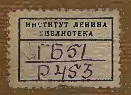
РЕВОЛЮЦИЯ
В КРЫМУ
1

К. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИСТПАРТА О.К. КРЫМА

№1.

КРЫМИЗДАТ. 1922 ГОД.

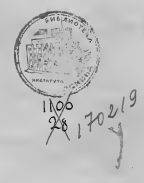
РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ.

Историческая библиотека
Истпарта О. К. Крыма.

№ 1.

КРЫМИЗДАТ
СИМФЕРОПОЛЬ.
1922 г.

Р. Ц. № 252. Гор. Симферополь.

1-я Государственная типо-литография «Крымполиграфтреста».
Зак. № 2741 (700 экз.).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий выпуск является первым в целой серии изданий, предпринимаемых Истпартом с целью научного восстановления истории партии и революции в Крыму.

Эта важная, но трудная и кропотливая работа будет предметом внимания и занятий Истпарта в течение долгого времени.

Шаг за шагом, при поддержке всех членов партии, при сотрудничестве всех активных деятелей революции придется производить раскопки в памяти и материалах, стряхивать с событий пыль времен и медленно реставрировать панораму революции в Крыму.

Настоящий выпуск, посвященный, главным образом, Октябрьской революции в Крыму,—является первым кирпичем, закладкой фундамента этого здания.

И, как начало, как попытка, эта работа, конечно, несовершенна и имеет, подчас значительные, недостатки.

Прежде всего, надо предупредить, что литературная ценность печатаемых работ местами очень невысока.

Это неизбежное следствие того, что авторы свои работы дают между дел, урывая для них время от своих прямых, порой многочисленных, обязанностей. Отсюда—неряшливость стиля, ухабистость, с которыми редакция не могла окончательно совладать, да и не имела для этого достаточно сил и права.

Но относительная литературная ценность еще полбеды.

Исторический труд—не произведение изящной словесности.

Гораздо серьезнее обстоит дело с научно-исторической ценностью данных работ.

При наших методах познания, когда автор, занятый уймой практических революционных обязанностей, в большинстве случаев без документов, на память, освещает ту или иную историческую эпоху,—неизбежны неточности в датах, поверхностность анализа, а иной раз и путанность событий.

Но нужно ли тогда печатать такую работу—относительную во всех отношениях: и литературном и научном—спросят нас.

Мы думаем, что ожидание идеального в будущем при ничегонеделании и педантизме в настоящем, когда события прошлого не ждут, а глохнут и стираются,—нам думается, что такой образ действий был бы бесплодным и пустым, как прогнивший орех.

Попытками, действием надо решать и задачи революционной истории.

Мы не собираемся насаждать историческую макулатуру. Но мы думаем: пусть слаба и относительна наша первая попытка; верна надежда: при поддержке всех членов партии, при повторных попытках и более серьезных методах познания—нам удастся создать нечто лучшее и выкристаллизовать историческую истину блестящего прошлого нашей Революции и нашей партии.

Октябрь в Крыму.

1. Большевики Симферополя в конце 1917 года.

В начале октября 1917 года я, по поручению ЦК нашей партии, отправился в Севастополь для партийной работы. О Севастополе Центральному Комитету было известно, что там партийная работа за неимением работников поставлена весьма плохо, и трудящиеся массы города, равно как и моряки Черноморского флота, находятся в идейной власти социал-шовинистов и контр-революционеров—авантюристов самой дешевой марки, в роде липового моряка недоучившегося реалиста Федьки Баткина и будущего «правителя России» Александра Колчака.

Когда я уезжал из ЦК, покойный Яков Михайлович Свердлов говорил мне: «Вопрос о взятии власти пролетариатом—вопрос нескольких дней. Во всех крупных центрах пролетарские силы уже достаточно созрели. На юге же, особенно в Крыму, дела обстоят плохо. Там наблюдается полное засилие социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя, как военного порта. Ваша задача, —заявил Яков Михайлович,—превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья.

Севастополь должен стать Кронштадтом Юга».

С этим напутствием я отправился в Севастополь.

По дороге я остановился в Симферополе, где принужден был пробыть 11 дней, добиваясь пропуска в Севастопольскую крепость. Мне его выдали с большой опаской. В Симферополе я застал нескольких большевиков, в частности, Шустера и Жана Миллера, но я не нашел большевистской организации, ибо Симферопольские большевики только на днях решили принципиально образовать большевистскую организацию, но они еще не успели прокламировать ее существование, отмежевавшись от «об'единен-

ной социал-демократической», т. е. меньшевистской и положить основы истинно марксистской революционной организации пролетариата.

В Симферопольском Совдепе имелось 4—5 большевиков от завода «Анатра», но они не выступали от имени большевистской организации. Там царствовало неограниченное «оборонческое засилие».

На мой вопрос: в каком положении находятся большевистские организации в других городах Крыма, мне товарищи ответили, что в Севастополе и в Евпатории дела обстоят лучше: там существуют небольшие организации большевиков, но в других городах Крыма положение такое же, как и в Симферополе.

Хотя мне было уже известно, что на юге России, в частности в Крыму, большевизм еще далеко не завоевал себе позиции, даже в пролетарской массе, но все же то, что я встретил в Симферополе, было для меня неожиданностью, особенно после средней Сибири, откуда я приехал недавно, где я оставил довольно густую сеть большевистских организаций и почти исключительно большевистские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Но уже на другой день в казарме на солдатском митинге я вынес более «оптимистическое» впечатление о Симферополе. Солдаты не только слушали с большим вниманием мою речь на тему: «Чего хотят большевики?», но после дискуссии с оборонцами, в связи с моей речью, симпатии огромной массы солдат явно склонились на сторону большевиков. На аэропланном заводе «Анатра» меня с тов. Донской приняли еще теплее. Чувствовалось, что в сознании трудящихся масс происходит большой перелом. Организация социалистов-революционеров и меньшевиков, которые еще летом насчитывали десятки тысяч членов, заметно сократились.

«У нас повальное бегство рабочих из организации»—жаловался «вождь» правых эсеров Хаит.

Скоро я убедился, что на всем Крымском полуострове, в городах, уже созрела почва для продуктивной пропаганды большевистских идей.

Через 3—4 дня после моего приезда, т. е. 8—9 октября, в Симферополе образовалась самостоятельная большевистская организация; от об'единенной социал-демократической организации откололась и присоединилась к большевикам часть—человек 15, так что вся наша организация насчитывала около 30 товарищей.

Сейчас же Симферопольской организацией было выпущено первое воззвание, написанное тов. Шустером. По моему предложению был сорганизован партийный клуб в незавидном помещеньице по Троицкой улице, которая потом переименовалась в Большевистскую. За неимением средств клуб вынужден был открыться в помещении меннонитов, где большевистские собрания чередовались с богослужениями при пении псалмов.

Организация начала быстро завоевывать заметное влияние на трудящиеся массы.

2. Борьба классов и партий в Севастополе.

Получив, наконец, пропуск, я немедленно отправился в Севастополь. Здесь я застал маленькую, но довольно хорошую, дисциплинированную большевистскую организацию.

В то время, как Севастопольские организации правых эсеров и меньшевиков насчитывали в своих рядах полтора десятка тысяч членов (до июльских событий Севастопольская эсеровская организация гордилась тем, что в нее входит 27 тысяч членов), Севастопольская большевистская организация состояла всего из 250 товарищей, по преимуществу моряков Черноморского Военного флота.

Но эта маленькая организация, поместившаяся в дрянной комнатушке на далекой окраине города, располагавшая ничтожными материальными средствами и крайне недостаточными агитпропагандистскими силами, все же сумела развернуть довольно широкую работу.

Не имея своего печатного органа (во всей Таврической губ. в то время не выходила еще ни одна большевистская газета), располагая очень ограниченным количеством агитационной литературы, маленькая организация все свои силы тратила на устную агитацию, главным образом, среди моряков Черноморского Военного флота и рабочих портового завода.

Самый видный ее работник т. Островская выступала почти ежедневно на матросских, солдатских и рабочих митингах.

Посетив, по приглашению команд, несколько кораблей, я сразу убедился, что работа Севастопольской большевистской организации—главным образом, агитация ее «боевого оратора» тов. Островской—имела огромный успех.

Если еще два месяца тому назад огромное большинство матросов слепо шло за авантюристами Баткиными, Колчаками и социал-предателями Бунаковыми и Канторовичами, если на собраниях моряков единогласно проходили демагогические резолюции о немедленном аресте тов. Ленина, в случае посещения им Севастополя, если еще в августе был возможен разгром Севастопольского комитета большевиков и случаи расправы с большевистскими агитаторами (напр., тов. Феногенов был брошен с корабля в бухту),—то теперь симпатии большинства моряков Черноморского Военного флота все больше и больше клонились на сторону большевиков.

Это впечатление подтверждали и заседания Севастопольского Совдепа. Только что переизбранный, Севастопольский Совет Рабочих и Военных Депутатов в огромном своем большинстве состоял из представителей правых социалистических партий: из 450 депутатов Совдепа только 56 состояло членами большевистской фракции. Но нужно было только посетить 2—3 засе-

дания Совдепа, чтобы убедиться, что этот Совдеп не соответствует революционному настроению тех масс, которые его избрали. Выступление большевистских ораторов на пленарных заседаниях «рабоче-крестьянского парламента», как прозвали Совдеп социал-шовинисты, обычно сопровождались бурными аплодисментами «галерки», наполненной, главным образом, моряками военного флота. Напротив, меньшевистских и эсеровских ораторов, не исключая знаменитейшего сладкопевца Бунакова, «буйная галерка» встречала свистом и шиканьем.

Почти все заседания Совдепа превращались в шумные митинги.

Моряки Черноморского флота уже были кое-как подготовлены к восприятию социалистической революции. Но дело обстояло хуже в профессиональных союзах, в которых насчитывалось до 17.000 человек. В портовом заводе и профсоюзах еще сильно преобладало влияние оборонцев. Особенно большим авторитетом пользовались правые меньшевики: шлиссельбуржец Канторович и рабочий портового завода Горячко.

Чем объяснялась такая ненормальная консервативность рабочих Севастопольского порта? По-моему, причин этому явлению было несколько. Во-первых, в Севастопольском порту работает значительный процент рабочих, имеющих свои собственные домики. Эти «домохозяева» хворают общей болезнью всех мещан, т. е. боязнью потерять свою собственность в пожаре социалистической революции. Вот почему они выступают в роли ярых защитников и ревностных последователей правых социалистических партий, борющихся против социалистической революции.

Во-вторых, мастерские Севастопольского порта, казенного, специально военно-морского предприятия, имели необычно большое количество технического персонала и служащих всевозможных отделений конторы. «У нас инженер инженером погоняет», —шутили рабочие.

Слившись в один союз с рабочими, эти «казенно-коштные специалисты» являлись обузой, тормозом для рабочего движения Севастопольского порта.

Наконец, третье обстоятельство—специфический подбор личного состава рабочих порта.

Наверно, ни одно промышленное предприятие в России не имело в то время среди своих рабочих такой массы шкурников, как Севастопольский порт. Это об'ясняется тем систематическим подбором штрейкбрехеров, провокаторов, шпионов, бежавших полицейских для мастерских Севастопольского порта, который практиковался военно-портовой администрацией крепости после восстания 1906 года на предмет политического укрепления завода. Эта братия в период Керенщины под маской оборонческого меньшевизма и эсерства орудовала вовсю против большевиков и отравляла атмосферу в мастерских порта.

Таково было настроение трудящихся масс и положение большевистской организации в Севастополе накануне октябрьского выступления Петроградских и Московских рабочих.

Местные об'ективные условия заставили нас готовиться на длительный тяжелый период борьбы, ибо мечтать о быстрой победе социалистической революции на Крымском полуострове было бы более чем легкомысленно.

Обсуждая на партийном собрании статью тов. Ленина в «Правде»—о необходимости восстания трудящихся,—я и тов. Островская подчеркивали, что мы стоим накануне великих событий, что наверно на днях грянет в Петрограде и во всей России пролетарская революция и что поэтому необходимо готовиться к самой тяжелой борьбе, ибо на юге России, в частности в Крыму, процесс переворота будет чрезвычайно тяжелый и обилен жертвами.

Мы в расчетах не ошиблись.

3. Пролетарская революция и севастопольские «социалисты».

На третий и четвертый день после упомянутого партийного собрания, т. е. 27 октября (9-го ноября по новому стилю), рано утром Севастопольский Комитет большевистской организации получил от Исполнительного комитета Совета приглашение послать немедленно своих представителей на «чрезвычайное заседание Исполкома с участием представителей демократических организаций».

Посланные партийным комитетом я с тов. Островской немедленно явились в Чесменский дворец, где заседал Исполком. В роскошных покоях этого дворца командующие Черноморским флотом в свое время строили великодержавные планы захвата Босфора, Дарданелл и всего Ближнего Востока.

Во дворце мы застали меньшевиков и эсеров—членов Исполкома—«в превеликом волнении».

Они то нервно бегали по блестящему паркету дворцового зала, то собирались кучками по углам и таинственно перешептывались. Вождь крымских меньшевиков Канторович, сидя на подоконнике, безжалостно щипал свою бородку и вопросительно поглядывал на меня—совершенно новое лицо в Севастополе.

Генеральный комиссар Черноморского флота Бунаков-Фундаминский, образец эсеровского ораторского таланта, сидел рядом с Канторовичем, молчал, злобно вперив глаза в т. Островскую, достойного соперника Бунакова на митингах.

Наши оборонцы напоминали беспомощных, сбитых с толку людей, тщетно пытающихся своими сморщенными мещанскими мозгами постичь смысл великого события, так неожиданно обрушившегося на них.

Мы, большевики, узнали потом, что этот переполох в благородном семействе оборонцев капиталистического строя вызван

ночными телеграммами, которые сообщали, что в Петрограде пролетариатом совершен социалистический переворот.

Телеграммы передавали о событиях в столице очень кратко и неполно, но достаточно ясно сообщали о том, что Петроградский пролетариат и гарнизон, по инициативе Петроградского Совдепа, восстали и сбросили Временное правительство, а «храбрый главковерх» Керенский бежал.

Заседание Исполкома открылось. Обсуждались текущие события.

Представители меньшевиков и эсеров с глубоким прискорбием и сожалением говорили «об ужасном факте», о том, что, несмотря на многократные «благоразумные предупреждения», пролетариат столицы, руководимый большевистской партией, все-таки решился на пагубный для Революции и демократии шаг. Они говорили, что восстание Петроградского пролетариата может привести Революцию к гибели; тяжесть ответственности, конечно, всецело ложится на «неразумных вспышкотворителей»-большевиков.

Чтобы в революционном Севастополе избегнуть «ошибки», совершенной Петроградским пролетариатом, выразившейся в изоляции «рабочей демократии» от «остальной демократии» страны, —необходимо власть на месте передать Севастопольскому Совдепу, пополненному представителями от всех «демократических организаций»: городской думы, национальных организаций и т. д.

Большевики (из 25 членов Исполкома нас было всего трое) оценивали события с точки зрения исторической необходимости перехода от буржуазной революции к социалистической и указывали на громадное значение этого переворота в смысле революционизирования Всемирного пролетариата и настаивали на том, чтобы Севастопольский Совдеп немедленно об'явил себя единственной властью в городе. Мы были против засорения совета представителями буржуазно-демократических учреждений.

Прения тянулись вяло: наши противники, сбитые с толку великими событиями, не знали, какую занять позицию.

Самый видный представитель оборончества Бунаков-Фундаминский усугублял серьезность положения глубочайшим молчанием.

Заседание прервалось сообщением, что на рейде начались демонстрации; товарищ, пришедший с пристани, торопливо передал, что, по инициативе большевистского комитета, несколько матросов на катерах, украшенных знаменами, об'езжают весь флот и призывают моряков требовать от Центрофлота (центральный комитет Черноморского флота) немедленной организации всеобщей демонстрации в честь совершившейся в столице пролетарской Революции.

— Весь флот принял праздничный вид,—передал товарищ,— реют красные флаги, оркестры играют «Интернационал», матросы поют, раздаются возгласы: «Да здравствует Петроград-

ский пролетариат», «Долой предателей Керенских и Корниловых», «Да здравствует Социалистическая Революция!»

Весть эта привела оборонцев в еще большее смятение.

Поломавшись, они согласились декретировать, что вся власть в городе и крепости переходит в руки Севастопольского Совета рабочих и военных депутатов. Закрыв заседание, Исполком немедленно отправился на пленарное заседание Совета. После кратких приветственных речей Совет всеми голосами при 3-х воздержавшихся принял резолюцию о том, что власть переходит в его руки, а также телеграмму с приветствием Петроградскому пролетариату.

Это был величайший курьез. Севастопольский социал-соглашательский Совет принимает резолюцию, в которой выражает привет Петроградскому пролетариату, сбросившему власть соглашателей и начавшему всемирную коммунистическую Революцию.

В то время, когда Севастопольский Исполком ломался над вопросом, взять или не взять в свои руки власть, Центральный Комитет Черноморского флота по требованию матросских делегаций решился организовать демонстрацию в честь начавшейся социалистической Революции.

На этот раз Черноморский Центрофлот, этот Севастопольский «Викжель», руководимый политиками «без руля и без ветрил», оказался левее оборонческого исполкома и Совдепа: он решился, конечно, под революционным давлением матросских масс, взять на себя «тяжелую ответственность» за организацию демонстрации в честь «большевистской авантюры». Сам председатель, «беспартийный анархист» Шелестун в торжественной речи, которой он открыл демонстрацию, приветствовал социалистическую Революцию и Петроградский пролетариат, дерзнувший начать гигантскую борьбу с закованным в латы международным капитализмом.

Многолюдная демонстрация прошла с большим под'емом.

Даже подголосок Бунакова-Фундаминского, пресловутый Риш, один из самых правых эсеровских болтунов, окончил свою крикливую речь возгласом; «Долой международное рабство капитала. Да здравствует всемирная социалистическая Революция, начатая Петроградским пролетариатом».

Этот нашпигованный лидерами своих партий крикун в этот момент, наверное, был искренне увлечен грандиозностью перспективы всемирной пролетарской Революции. В этот момент он, вероятно, и сам не подозревал, что уже назавтра, отрезвленный телеграфным сообщением об уходе своих кумиров со 2-го Всероссийского с'езда Совдепов с об'явлением беспощадной борьбы социалистической Революции,—он с таким же азартом выступит с руганью и клеветой против «преступников большевиков, увлекших бессознательный русский пролетариат в пагубную авантюру».

На демонстрации выступили с речами представители большевиков, беспартийных, украинской рады, Совдепа, Центрофлота и даже партии социалистов-революционеров (не левых, левые эсеры впервые появились в Севастополе только в январе месяце). Отсутствовали только ораторы меньшевистской организации и генеральный комиссар Черноморского флота—Бунаков-Фундаминский. Они остались дома, выжидая, какой курс примут дальнейшие события.

В первых телеграммах, сообщавших о перевороте, еще ничего не упоминалось о позиции 2-го Всероссийского с'езда Советов, который предполагался к открытию, и линии поведения правых социалистических партий. Не упоминалось также о взятии Зимнего дворца с боя.

Получалось такое впечатление, что октябрьский переворот совершился почти без кровопролития. Это сбило с толку севастопольских «социалистов».

Видно было, что многие из них не допускали возможности раскола на Всероссийском с'езде Совдепов и «социалистической демократии» вообще. Напротив, они предполагали, что лидеры их партий в конце концов признают совершившийся факт и последуют за революционным большинством, считая своей задачей сдерживать размах пролетарской Революции чисто парламентарными способами.

Но уже вечером того же дня, после всеобщего ликования при участии даже и правых оборонцев, получились сведения, что Всероссийский с'езд Советов раскололся, ибо правые «социалисты» ушли с него, что Керенский убежал в ставку и готовит наступление на Красный Петроград.

Эта весть привела в себя павших в бессознание социалистов. Они отрезвели...

— Как Вы думаете, товарищ,—обратился ко мне вечером после демонстрации один из лидеров севастопольских меньшеков Борисов, пришедший во дворец на заседание Президиума Исполкома, – когда мы получим весть, что большевистская «авантюра» разгромлена? Мне кажется, что уже послезавтра мы можем ожидать ее.

— А я, видите ли, думаю, что это очередное ваше пророчество о крахе большевиков так же оправдается, как и все предыдущие пророчества меньшевизма,—огрызся я в ответ; в таком же духе продолжали мы беседу в ожидании заседания.

Но заседание президиума не состоялось за неимением кворума. Представители меньшевиков и эсеров, занятые вопросом о перемене тактической позиции, не явились.

На другой день на заседании Исполкома они уже официально заявили, что перехода власти к Советам во всероссийском масштабе они не признают. Принятую вчера Советом резолюцию они понимают только в том смысле, что власть на месте временно

переходит в руки Совету; они против насильственного захвата большевиками центральных органов власти и всеми мерами будут бороться против этой «авантюры», не признавая в принципе идей советской власти и категорически отказываясь подчиняться директивам большевистского центрального правительства.

«Мы, однако, признаем, что в Севастополе в настоящий момент создались такие условия, что совет является наиболее авторитетным учреждением, и поэтому мы не отрицаем его правомочности в качестве временного органа высшей власти в городе»,— так аргументировали свою двухсмысленную позицию социал-предатели. Они уже приготовились к упорному саботажу.

Создалось положение, из которого можно было выйти только или путем перевыборов Совета или разгона его.

Но «правомочный» совет отказался признать необходимость перевыборов, обосновывая свой отказ тем, что он недавно уже переизбран по настоянию левых.

Остался другой путь, на который заставила вступить логика событий.

Заседания совета забурлили, превращаясь в шумные митинги, на которых «буйная галерка» со свистом и шиканьем встречала на трибуне оборонческих ораторов. Оборонческое большинство Совета бурными протестами затыкало рот большевикам, беспощадно критикующим социал-предателей, изменивших Революции.

Исполком саботировал. Для него декреты Совета Народных Комиссаров являлись только предметом критики, допускающей самые отвратительные способы передержки и издевательства. Черноморский Центро-флот, «размазня», как называли его сознательные матросы, получив радио-телеграмму, что ставка с Керенским и Черновым во главе идет против Красного Петрограда, конечно, тоже занял позицию выжидания; он выжидал, какой завтра подует ветер...

Маленькая Севастопольская организация коммунистов очутилась в тяжелом положении. Был только один путь, чтобы освободиться от систематического, выдержанного саботажа, препятствующего какому-либо творчеству в коммунистическом духе: это разгон социал-предательского Совета.

Но для этого необходимы были силы, которых она не имела. Матросы колебались: они не поднялись еще до такой сознательности, чтобы с оружием в руках потребовать перевыборов Совета; к тому же мозги туманились от орудовавшего уже под боком славного атамана Каледина.

Вот почему Севастопольская организация большевиков поставила себе очередной задачей: продолжая энергично агитацию за Советскую власть, приступить, помимо Советов, к организации революционных отрядов для защиты Советов от Каледина и вообще от контр-революционных банд, угрожающих существованию Совласти на всем юге России.

Каждому было ясно, что в случае успеха этой работы она неизбежно приведет большевиков к власти. И все же трусливое мещанское большинство Совета не сумело воспрепятствовать организации этих отрядов, суливших им неминуемую гибель.

В конце ноября собрался первый с'езд Черноморского флота.

Большевики на нем были только в относительном большинстве, но вместе с Украинской делегацией, которая в первые дни с'езда шла вместе с большевиками, они составили абсолютное большинство.

С'езд принял предложенную мною большевистскую резолюцию, в которой он приветствовал Совет Народных Комиссаров и обещал им всемерную поддержку, а также резко критиковал предательство правых социалистов, ушедших со Всероссийского с'езда и, таким образом, вызвавших раскол в рядах демократии.

4. Экспедиция на Ростов.

На с'езде выступил с внеочередным заявлением делегат Ростовского совета, который в ярких красках нарисовал тяжелое положение Ростовского пролетариата, истекавшего кровью от ужасного разгула контр-революционных банд Каледина.

Посланник Ростовского пролетариата просил с'езд оказать загнанному в подполье Ростовскому Совету вооруженную помощь, в которой только что по «принципиальным соображениям» отказал Севастопольский Совет.

Несмотря на горячие протесты социал-предателей (меньшевистская организация даже демонстрировала уход со с'езда) и упорные выступления командующего Черноморским флотом Немица, пугавшего матросов 3.000-ой армией Каледина,—с'езд постановил: снарядить флотилию из тральщиков и миноносца и послать ее на помощь борющемуся с Калединым Ростовскому Совету.

Командующим флотилией с'езд избрал Драчука, впоследствии погибшего на Кавказе. Флотилия была немедленно отправлена.

Социал-соглашательский Исполком не посмел воспрепятствовать ее организации, но в то же время считал своим «моральным долгом», как орган, стоящий на страже революции, официально заявить, что Севастопольский Исполком снимает с себя всякую ответственность за последствия посылки вооруженной экспедиции на Дон. «Исполком заявляет, что он категорически против провоцирования большевиками гражданской войны, которая приведет к гибели Революции». Этим меньшевистский-эсеровский Исполком сказал, что он будет саботировать.

Из-за этого саботажа флотилия не имела успеха в осуществлении ее основной задачи—защиты Ростовского пролетариата,

Уже на пути она встретила трудно преодолимые препятствия. Керченская крепость, которая еще находилась во власти правых социалистов и контр-революционного офицерства, не захотела флотилию пропустить в Азовское море; флотилия обра-

тилась непосредственно к команде крепостных батарей, которая пошла навстречу и заставила командование крепости пропустить флотилию в Азовское море.

Здесь была сделана ошибка. Нужно было сначала произвести переворот в Керчи, передать власть большевикам и только потом двинуться дальше; это не было сделано и поэтому в Азовском море флотилия осталась без тыла. Такое положение отразилось неблагоприятным образом на дальнейшем ходе событий.

Оставив миноносец и один крупный тральщик в Таганроге, в виду низкого уровня воды, не позволявшего подняться вверх по Дону, флотилия в составе двух тральщиков прибыла в Ростов.

Опираясь на нее, ростовские товарищи разбили калединцев и выгнали их за город. Несколько дней шел бой. Пока флотилия поддерживала ростовских товарищей артиллерийским огнем, атаки калединских банд отражались успешно Но из-за сознательного предательства Севастопольского Совета и халатности Центрофлота, флотилия вынуждена была отступить, не получив боевых припасов для военных действий.

На возвратном пути флотилия претерпела массу приключений. Один тральщик сел на мель против Казацкой станицы. Он спасся только потому, что имел в трюме пленного казацкого генерала, который был обменен на красногвардейцев, находившихся в плену в станице. В течение переговоров между представителями станицы и командой тральщик снялся с мели. Каледин учинил на глазах отступивших матросов пролетариату Ростова кровавую баню.

Потерпев неудачу при осуществлении своего прямого назначения—обороны Ростова,—флотилия, однако, имела огромное положительное значение в смысле революционизирования Севастополя. Вернувшиеся из Ростова участники экспедиции и десятка четыре уцелевших ростовских красногвардейцев, подобранных флотилией, испытав на своей спине предательство тыла, начали беспощадную агитацию против Севастопольского Совета и окончательно подорвали его и без того подмоченный авторитет.

Особенно действовали в этом отношении речи начальника ростовского красногвардейского отряда т. Вагула; это—ростовский рабочий, латыш, впоследствии расстрелянный контрреволюционерами.

Через несколько дней после отправки флотилии Севастопольским большевистским комитетом был организован, по преимуществу из моряков, революционный отряд добровольцев, который предполагали отправить на Дон против Каледина.

Отряд сорганизовался по инициативе нескольких моряков Балтийского флота, командированных в Севастополь Ревкомом Балтфлота.

Эти товарищи передали, что телеграмма Севастопольского Совета, приветствовавшего от имени Севастопольского пролета

риата и моряков Черноморского флота октябрьский переворот,— вызвала сильный энтузиазм в Балтийском флоте. Телеграмму поняли так, что в Севастополе уже произошел переворот, власть перешла в руки большевиков и революционных моряков и что поэтому Севастополь сможет дать существенную помощь в борьбе с Калединым.

Здесь они сейчас по приезде убедились, что Севастополь сначала сам нуждается в освобождении и только тогда он сможет существенно помочь Революционной армии, готовящейся выступить против Каледина для освобождения Донского пролетариата.

Все же Севастопольским партийным комитетом было решено немедленно приступить к организации отряда, выдвигая лозунг—«На Дон, против Каледина, врага Советов!»

Моряки ревностно взялись за организацию отряда, который в течение одной недели был сформирован в размере $2^1/_2$ тысяч человек с двумя батареями и 3-мя эшелонами и был переброшен на север.

Главными организаторами отряда были: моряк Балтийского флота т. Шерстобитов и моряк Черноморского флота Алексей Мокроусов. Начальником отряда был избран т. Толстов, молодой офицер-севастополец, впоследствии замученный колчаковскими офицерами. Начальником штаба был шлиссельбуржец, участник Севастопольского восстания, мичман Лященко, который в марте 1918 г. пал смертью храбрых на Румынском фронте.

Скоро душой «Первого Черноморского Революционного отряда» стал тов. Мокроусов; впоследствии он стал командиром отряда.

На пути в Синельниково первый Черноморский Революционный отряд узнал, что с Западного фронта через Курск в направлении на Дон движется какой-то отряд офицеров и юнкеров. Черноморцы немедленно двинулись ему навстречу и под Белгородом перерезали «таинственным незнакомцам» путь.

Оказалось, что этот отряд состоял из черносотенных офицеров, числом около 3 тысяч, которые с «первым русским воином» Лавром Корниловым во главе пробирались на Дон, стремясь соединиться с бандами Каледина.

Первый Черноморский Революционный отряд вступил с ними бой и в трехдневной горячей схватке разбил их наголову. Большинство корниловцев было уничтожено, сам Корнилов убежал.

Разбив Корнилова под Белгородом, большинство бойцов Черноморского Революционного отряда повернуло обратно в Севастополь «расправиться со своей домашней контр-революцией». Это было в начале декабря. Дни меньшевиков и эсеров были сочтены...

5. Причины и поводы Севастопольского переворота.

Причины их гибели таятся глубоко в исторической подпочве. А поводов было несколько. В частности: экспедиция на

Ростов, окончившаяся поражением по милости социал-предателей, сидевших в Севастопольском Совете. Возвратившиеся с флотилией красногвардейцы, особенно вышеупомянутый Вагул, об этом довели до сведения пролетариата и убили, конечно, всякий авторитет «социалистов», мало этого, вызвали против них бурю негодования.

Дальше, значительную роль сыграла и Белгородская экспедиция: победа, с одной стороны, и трупы убитых товарищей, с другой, подмывали революционную энергию и гнев и толкали на взрыв, на действие.

В десятых числах декабря состоялись многотысячные похороны привезенных из-под Белгорода. Зажигательные речи бойцов, направленные против черносотенного офицерства и предательства правых «социалистов», довели настроение решительной матросской массы до белого каления.

К этому моменту как раз работала комиссия по расследованию Шмидтовского восстания. Комиссия была избрана первым с'ездом Черноморского флота. И тут после похорон под горячую руку моряки и приступили к массовому аресту офицеров, сначала по материалам комиссии, а затем и без них.

Первой начала команда миноносца «Хаджи-Бей», а затем пошли другие.

Оборончеcкий Совет, конечно, был против арестов. Начальник тюрьмы отказывался принять арестованных, ссылаясь на то, что Исполком категорически воспрещает сажать в тюрьму самочинно арестованных. При этих условиях понятно, каким образом своевольная, упорная, революционная масса матросов вывела на Малахов курган 32 офицеров и одного попа и подвергла их расстрелу.

Вечером с 15-го на 16-е декабря хаджи-бейцы начали аресты, а ночью «социалисты» уже сели на задние ноги.

Надо заметить, что арестовано было несколько меньшевиков и эсеров, в том числе лидер меньшевистской фракции Исполкома Бундов.

Слабые нервы оборонцев не выдержали кровавых стычек. Узнав, что начались самосуды, оборонческий Исполком на совместном заседании с президиумом Центрофлота постановил сложить немедленно с себя полномочия и передать их временно Военно-Революционному Комитету, который должен быть немедленно избран на собрании представителей судовых команд, береговых частей и рабочих порта; в то же время назначить перевыборы Совета, так как настоящий состав Совета потерял в глазах масс свой авторитет.

Перед тем большевики в Исполкоме несколько раз поднимали вопрос об образовании Ревкома, т. е. специального военно-политического органа, который организовал бы вооруженные революционные силы против контрреволюционеров, угрожавших самому существованию Советов на юге России. Но это предложе-

ние несколько раз проваливалось социал-предателями Исполкома. Тогда большевики официально заявили, что они считают невозможным дальнейшее участие в работах Исполкома саботажников, которые держат явно курс на Каледина. Они сложили с себя ответственность и вышли из Исполкома.

Через 5 дней после этих событий напуганные разбушевавшейся революционной стихией мещанские социалисты сами предложили образовать Ревком и временно передать ему, как более авторитетному в данных тяжелых условиях учреждению, всю полноту власти. Так безжалостная революция бьет по рыхлому черепу мещанских социалистов и приводит их к полной растерянности.

В такой грозной атмосфере, когда озлобленные массы сурово расправлялись со своими прежними душителями и палачами, а их вчерашние идейные руководители и воспитатели бледнели на фоне кровавой картины,—образовался Севастопольский военно-революционный комитет, который сыграл в Крыму и на юге России вообще, крупную роль, как боевой орган, организующий вооруженные революционные силы и направляющий их в бой против контр-революции.

В Севастопольский военно-революционный комитет вошли: председатель Гавен, секретарь Марченко и члены: Зедин, Пожаров и Островская. По выходе последних двух состав Ревкома был дополнен Сапроновым, Драчуком и другими менее видными деятелями.

По призыву большевистского военно-революционного комитета взбушевавшая стихия улеглась, прекратились аресты и расстрелы. Были произведены выборы в Севастопольский совет, на которых большевики впервые победили.

С этого момента революционный Севастополь становится на юге России сильнейшим революционным оплотом, долго и честно отражающим окружающие его железным кольцом силы контр-революции.

Севастополь стал Кронштадтом юга. Сбылась воля Всероссийского шкипера Якова Свердлова.

6. Оборона «оборонцев».

Тут начинается в истории революционного движения Крыма новый этап, который характеризуется тем, что большевики, создав в Севастополе сильную базу в лице Черноморского флота и крепости, в складах которых хранились как огнеприпасы, так и вообще запасы разного рода оружия,—по мере организации революционных сил постепенно переходили от обороны к наступлению, кончившемуся в январе месяце полным разгромом всех контр-революционных сил и установлением соввласти по всей Тавриде.

Сдавши свои позиции в Севастополе, социал-предатели вкупе с явной контр-революционной татарской националистической буржуазией сконцентрировали свои силы в Симферополе.

Они надеялись там создать сильный, опирающийся на контрреволюционную военную силу, орган с целью противопоставить его Революционному Севастополю и об'явить его высшей единственной правомочной властью в Тавриде.

С этой целью уже за несколько дней до декабрьского большевистского переворота в Севастополе меньшевистско-эсеровский Таврический Губисполком созвал Губернский с'езд советов.

Наши «социалисты» очень спешили с созывом этого с'езда. Учитывая быстрый перелом настроения трудящихся масс всей Тавриды в сторону большевизма, они спешили создать Губернский с'езд до перевыборов оборонческих уездных советов и, таким образом, закрепить еще на некоторое время свои позиции в органах Губернской власти.

Они спешили так, что вышел не с'езд, а какая то жалкая его пародия.

Замечательно, что на этом, с позволения сказать, с'езде участвовало всего 15 выборных делегатов, а остальные—Губисполком в полном составе. Там было 7 меньшевиков и эсеров и только один большевик—Жан Миллер, прошедший в Губисполком, как член Евпаторийской об'единенной социал-демократической организации.

Несмотря на такой малочисленный состав, собрание было названо «правомочным губернским с'ездом Совдепов», который должен решить важный вопрос о конструкции власти. «С'езд» решил его с честью, достойной социал-предателей. «Правомочный» с'ездов советов в Тавриде девятью оборонческими голосами против семи большевистских при нескольких воздержавшихся признал II-й Всероссийский С'езд Советов неправомочным, выразил резкое порицание совету Народных Комиссаров за «практикуемую им террористическую политику» и отказался взять на себя полномочия высшей власти губернии, предоставив это право «Таврическому С'езду представителей городских дум, земств, демократических и националистических организаций», который должен был открыться на другой день.

В истории остроумных исторических анекдотов этот с'езд, как видно, займет не последнее место.

И вот, решив таким образом вопрос о конструкции власти, «с'езд» Совдепов далее постановил участвовать на предполагаемом «демократическом совещании Тавриды».

Фракция большевиков, заявив, что она в этой комедии «расширения базиса революции» отказывается участвовать и другой власти, кроме советской, как в центре, так и на местах, признавать не будет,—оставила заседание с'езда. Один из тогдашних лидеров Симферопольской меньшевистской организации

Лейбман метко характеризовал создавшееся положение: «В воздухе пахнет кровью».

Это, однако, не помешало им устроить знаменитое «демократическое совещание Тавриды» с комедией братания представителей всех живущих в Крыму национальностей; они сыграли второе действие печально славной траги-комедии под заглавием: «Расширение базиса демократической Революции».

Они избрали «Предпарламент», который официально назывался «Советом Народных представителей Тавриды», но который уже на другой день после своего появления на свет Божий заслужил прозвище: «Совет Народных предателей Тавриды».

С этого момента комедия начала превращаться в трагедию.

Вышло так, что крымские мещанские политиканы, вместо того, чтобы «расширить базу», ее сократили настолько, что та не выдержала, и они обрушились в пропасть.

Оторвавшись от трудящихся масс, «Совет народных предателей», нащупывая опору, в один прекрасный день очутился в об'ятиях явно контр-революционного «Крымско-татарского правительства».

7. Демократия на службе у контр-революции.

Надо пояснить, что в период керенщины татарская националистическая буржуазия Крыма сумела быстро сорганизоваться. Идя под маской национального социализма, вожди татарской буржуазии Муфти-Челибеев и Джефер Сейдамет сумели приобрести авторитет в массах бессознательного татарского крестьянства, создать из представителей этих крестьян и татарской буржуазии нечто в роде национального парламента, который назывался «Курултаем». «Курултай» в декабре образовал татарское национальное правительство с премьером Челибеевым во главе.

Крымско-татарское правительство решило в первую очередь создать себе реальную опору—войско. Это ему удалось сделать необыкновенно быстро. С помощью черносотенных командующих нашими армиями Щербачева, Корнилова и др. из бывшей царской разлагающейся армии были выделены мусульманские части.

К тому времени, когда в Севастополе власть перешла в руки Совета, в распоряжении «военно-морского министра» крымско-татарского правительства Сейдамета оказалась уже довольно солидная боевая сила: 2 кавалерийских и 1 пехотный полки с начальником штаба крымских войск черносотенным полковником Макухиным во главе. Всего у них было около 6.000 штыков и сабель, вдобавок к этому около штаба сорганизовалось более 2.000 человек контр-революционного офицерства и 2 украинских куреня в Симферополе и Севастополе.

— Это слепая, но хорошая физическая сила, — заявил нам на заседании Севастопольского исполкома один из видных руководителей «Совета Народных Предателей» меньшевик Галоп, приехавший в Севастополь для ведения «мирных переговоров».

Не имея собственной армии, предатели не брезгали пользоваться этой слепой силой. Был заключен союз между «Советом предателей» и «министерством Челибеева»,—вернее, первый сделался ширмой, прикрывающей явно контр-революционную политику Челибеева—Сейдамета—Макухина.

«Совет предателей», по заявлению того же Галопа, отказался от политики и взял на себя «экономическо-продовольственные функции».

Руководство политической жизнью мещанские политиканы предоставили «единственно грамотному татарину» (выражение того же Галопа) военно-морскому министру Сейдамету вкупе с черносотенным офицерством крымского штаба, возглавляемого черносотенным полковником Макухиным.

Почувствовав под собою достаточно твердую почву, Сейдамет с компанией дерзнул провоцировать столкновение с Советами, которые к тому времени и в уездных городах Тавриды уже переходили в руки большевиков. Момент был самый подходящий.

Командующий войсками Одесского Военного округа, агент предательской Украинской центральной рады, издал приказ о том, что все неукраинские войсковые части на Украине и немусульмунские и неукраинские в Крыму немедленно демобилизуются.

Этот приказ вызвал, несмотря на противодействие Советов, повальное бегство солдат старой армии: гарнизоны крымских городов распались; советы остались без реальной опоры; за солдатами последовали матросы; началось разложение флота, которому способствовал «беспартийный Центро-флот», всегда находившийся во власти настроения матросской массы.

Крымское правительство заключило союз с Центральной радой, и агенты последней начали усиленную агитацию за самочинную украинизацию Черноморского флота. Команды некоторых кораблей, на которых преобладали украинцы, подняли украинские флаги. Это еще больше дезорганизовало флот, вызвав среди оставшихся матросов вспышку национальной вражды. В начале января наступил момент, когда Севастопольский Ревком и Совдеп почувствовали, что почва опять шатается под ногами. Этот момент использовал «единственно грамотный татарин» Сейдамет и начал наступление.

Во-первых, он потребовал, чтобы начальники гарнизона советских войск и коменданты крепостей беспрекословно подчинились ему—военно-морскому министру.

Во-вторых, он начал в уездных городах насильственно разоружать оставшиеся небольшие советские части и захватывать склады оружия распавшихся частей.

8. Выступление Севастополя и победа Совласти.

Со всех уездных Совдепов посыпались телеграммы в Севастопольский Ревком с просьбой оказать вооруженную помощь,

но последний в этот момент располагал очень ничтожными вооруженными силами. Но медлить было нельзя, и Севастопольский Ревком решился дать отпор зазнавшимся контр-революционерам.

В первых числах января Севастопольский Ревком пред'явил «Крымско-татарскому правительству» ультиматум с требованием в 24 часа вернуть отобранное оружие и отказаться от продолжения в дальнейшем политики разоружения.

В то же время Ревком для десантных операций послал миноносцы с небольшими отрядами в Феодосию, Ялту и Евпаторию, где уже начались столкновения с контр-революционными эскадронцами, пытавшимися разоружить советские войска и завладеть береговыми батареями.

Сейдамет ответил вторжением мусульманских войск в Севастопольский крепостной район и попыткой захватить Камышловский железнодорожный мост, с целью окончательно прервать сообщение с Севастополем с севера.

Предупрежденный о готовящемся захвате моста, Севастопольский Ревком выставил под ним находившийся в его распоряжении в этот момент последний надежный Революционный отряд в 200 штыков.

С 10-го на 11 января татары атаковали отряд недалеко от моста под деревней Дуванкой.

В Севастополе наступила тревожная ночь.

Хорошо помню эту знаменательную ночь. Сижу в Чесменском дворце в кабинете Председателя военно-революционного комитета и читаю только что полученные оперативные сводки, радио-телеграммы из Ялты: «Вчера артиллерийским огнем миноносцев «Хаджи-Бея» и «Дионисия» мы татар-эскадронцев и офицеров опять вышибли из города. Они засели в окружающих Ялту горах, откуда морской артиллерией их выбить невозможно. Ночью офицеры опять ворвались в город и пытались захватить береговую батарею. Немедленно пришлите 2 гидро-аэроплана с бомбами для действия в горах. Уполномоченный Севревкома Вагул».

.... «В Евпатории офицерский отряд, с полковником Виганд во главе, захватил арсенал и береговую батарею. Комиссар батареи и 1 артиллерист убиты. Офицерами же арестован и зверски замучен Евпаторийский Предревкома тов. Караев. Необходимо немедленно прислать обещанный крейсер с десантом. Спасайте евпаторийский пролетариат от погрома палачей Вигранда; спешите. Председатель Евпаторийского парткома Турецкий»:

Из Феодосии: «Десантные операции протекают удачно. Мы вытеснили эскадронцев из города и заняли позиции за городом. Под прикрытием артиллерийского огня с гидро-крейсера «Румыния» наши успешно продвигаются в направлении Джанкоя».

Я даю распоряжение летчику т. Ремзюку, участнику Белгородской кампании, немедленно снарядить два гидро-аэроплана и направиться в Ялту в распоряжение тов. Вагула.

— Тов. председатель,—вбегая в кабинет, второпях передает моряк-телеграфист, дежуривший у прямого провода,—и *Матузенко* начал драку... Ну, теперь пойдет катавасия...

Я выхватываю из рук телеграфиста кусочек ленты и читаю: «Предревкому тов. Гавену. Около часа ночи в окрестностях дер. Дуванкой эскадронский отряд вторгся в крепостной район и атаковал Камышловский мост. Я приказал открыть огонь. Идет кровопролитный бой. Немедленно пришлите помощь. Начальник авто-отряда *Матузенко*».

— Решающий час наступил,—говорю я.—Теперь посмотрим, что скажут моряки и портовой завод...

Но трудно было в этот момент говорить о какой-либо помощи отряду т. Матузенко, если в распоряжении Ревкома находилось всего около 30 человек, необходимых для охраны самого Ревкома и Исполкома.

Необходимо было предпринять нечто экстраординарное, чтобы расшевелить экспансивную матросскую массу и бросить ее на фронт.

Кто то из моряков, кажется, тов. Пожаров, предложил оригинальную мысль: открыть одновременно по всему флоту и заводам гудки и сирены.

Это было приведено немедленно в исполнение.

Около двух часов ночи заревело более сотни гудков и сирен. Раздался боевой клич: «Революционный Севастополь в опасности! Моряки и рабочие, все на защиту революции!».

Тревожные гудки подняли на ноги всех трудящихся Севастополя. Стихийной массой моряки и рабочие заводов бросились в оружейные склады, хватая оружие, и двинулись на площадь, где был назначен сборный пункт.

Уже к утру Ревком бросил на фронт первый эшелон—человек 700 с батареей. За ними последовали эшелон за эшелоном. В 3 дня Ревком сорганизовал больше 6.000 бойцов под командованием вышеупомянутых товарищей Толстова и Лященко и отправил на фронт.

На третьи сутки Севастопольские Революционные отряды уже подошли к Симферополю.

Теснимые ими татарские войска отступали, не выдерживая сильного пулеметного и артиллерийского огня севастопольцев.

Крымский штаб, очевидно, решил дать генеральное сражение под Симферополем, надеясь своей хорошо дисциплинированной кавалерией обойти севастопольцев и, ударив на них с тыла, вызвать в наспех сформированных революционных батальонах замешательство.

Но Крымский штаб не учел одного важного обстоятельства: он уже больше не был хозяином даже ~~и в~~ своем доме—в Симферополе.

Услыхав гул пушек приближающейся к городу революционной армии, симферопольские рабочие и солдаты подняли восста-

ние. Это окончательно решило исход боя в пользу революционного войска.

Стиснутые с двух сторон, татары растерялись и разбежались в горы. Революционные Севастопольские войска вступили в Симферополь.

Узнав о поражении, татарский эскадрон и офицерский отряд под командованием известного в Крыму капитана Орлова, поднявшего впоследствии восстание против генерала Слащова,—особенно жестоко дравшиеся под Ялтой, тоже разбежались.

Через несколько дней контр-революционное наступление татарской буржуазии и русского черносотенного офицерства было окончательно ликвидировано.

Около 700 офицеров во главе с главным виновником этой авантюры полковником Макухиным погибло в этой схватке. Погиб также первый кукольный премьер Крымского татарского правительства—Муфти-Челибеев.

Джефер-Сейдамет бежал в Турцию.

Постановлением Севастопольского и Симферопольского Ревкомов (последний образовался во время боев) «Совет народных предателей» Тавриды и Курултай были распущены.

В первых числах февраля в Севастополе был открыт чрезвычайный с'езд Советов Таврической губернии, на котором большевистская фракция составила значительное большинство.

С этого момента наступает новый этап в развитии революционного движения в Крыму, на котором я остановлюсь в следующем очерке.

Ю. Гавен.

Октябрьские дни в Симферополе.

Пятилетняя годовщина Октябрьской Революции невольно заставляет оглянуться назад, поглядеть на прошлое.

Революция в Крыму имела, как и на всех далеких окраинах, свои исторические особенности. Отсутствие индустриального пролетариата дало себя чувствовать: Октябрь был здесь лишь в январе 1918 года. Все же в Крыму была грандиозная работа и высокие революционные порывы.

Особенно ярко вспоминаются два наиболее выдающихся момента из жизни коммунистической организации Симферополя 1917—1918 г.г.

В июле—августе 1917 года в партии Р. С.-Д. Р. П. об'единенных интернационалистов был расцвет; в сентябре же стало замечаться некоторое брожение, главным образом, среди членов организации рабочих завода «Анатра», единственной пролетарской базы г. Симферополя. Революционная работа большевиков на севере, сведения о которой доходили чрезвычайно редко, отрывисто и чаще всего в искаженном виде, будила мысль, заставляла относиться критически к событиям и недоверчиво к власти.

Постепенно накоплялся, пока еще неоформленный, протест против хозяйничания меньшевиков и эс-эров.

Очень незначительная группа большевиствующих членов партии встречала живое сочувствие среди рабочих. В Симферополе в начале октября большевистской организации не было. Инициативная группа после июльских дней рассыпалась; активные товарищи уехали на север, менее активные ничего делать не могли за отсутствием руководителей.

Приезд тов. Гавена из Москвы и Миллера из Евпатории дал возможность использовать оппозиционное настроение части рабочих, членов об'единенной с.-д. организации к окончательному разрыву с социал-соглашательским большинством.

Живо вспоминается этот вечер . . . . .

Сумерки. В Народном доме—собрание об'единенной социал-демократической организации по поводу выборов в городскую думу. В числе прочих списков фигурировал также и список боль-

шевиков, правда, выставивших не более 3—4 товарищей, что вызывало насмешки со стороны меньшевиков.

Собрание—многолюдное, настроение чрезвычайно повышенное, бурное. Председателю никак не удается водворить тишину.

Выступавшие анатровские рабочие говорили о работе своего завода, о недовольстве рабочих фабзавкомом, который не защищает их интересов, об общей дороговизне, нерегулируемой Советом рабочих депутатов, и о прочих щекотливых для меньшевиков вопросах.

Группа товарищей, подписавшихся под списком большевиков, чувствуя в воздухе грозу, сплотилась тесно у входной двери около тов. Миллера.

Тов. Миллер попросил слово по поводу повестки дня собрания. Председатель отказал. Собрание потребовало дать Миллеру слово, послышались возгласы протеста, но председатель тверд, надеясь, лишив тов. Миллера слова, водворить порядок.

Тогда тов. Миллер заявил о демонстративном уходе целой группы товарищей. Для собрания заявление это было неожиданно. Оно притихло, а мы небольшой гурьбой с пением «Интернационала» покинули зал заседания.

Тов. Миллер повел нас в маленький домик в глухом грязном переулке (раньше Троицкая—ныне Большевистская улица), ставшим впоследствии культурным рассадником большевизма. Здесь мы впервые встретили тов. Гавена, который только что открыл в этом домике большевистский рабочий клуб. Это незавидное помещение до сих пор использовывали союз мельничных рабочих и секта меннонитов; теперь к ним присоединились большевики, которым меньшевики отказали дать комнату в Народном доме.

После роскошной, ярко освещенной залы Народного дома, в котором обретались меньшевики, небольшая с низким потолком, продолговатая, грязная, заставленная партами, освещенная лучиной комната показалась особенно жалкой и убогой. Но бедность обстановки была своего рода символом: именно в таких маленьких лачугах и вербовались члены ныне могущественной Коммунистической Партии.

Нас было не более 15 человек; мы сели на первые скамьи. Нервы были натянуты до последней степени в ожидании чего то необычайного.

Состояние было такое, какое бывает у человека, отрекающегося от всего, чем он жил раньше, и начинающего мыслить и строить свою жизнь по новому.

Нам всем казалось, что этот вечер будет гранью между неясным прошлым и новым «завтра».

Мы были теоретически неподготовлены, никакого организационного опыта не имели, но были полны энтузиазма и готовы работать, не покладая рук.

Заговорил тов. Гавен. Приветствовав нас с демонстративным уходом из меньшевистского болота и об'яснив значение нашего разрыва с социал-предателями, он перешел к характеристике той огромной роли, которую рабочий клуб должен играть в дальнейшем развитии революционного сознания Крымских пролетариев. Определив тот тяжелый революционный путь, по которому должна идти пролетарская партия, он указал на то, что большевиками могут быть только товарищи, готовые на все лишения и невзгоды в эти дни, когда партия требует особенно напряженной работы с риском для жизни. Сильные духом и не боящиеся смерти могут быть ее членами.

В ответ на зти слова посыпалось: «Запишите меня, меня, меня»...

Записались следующие товарищи: Шаталов Виктор (погибший в чехо-словацкой контр-разведке в Самаре, в августе 1918 г.), Воевода Любовь, Левит Рахиль, Тимофеев Николай, Сосников и еще два солдата гарнизона (фамилии их не помню).

Затем выступил рабочий Анатровского завода тов. Сосников. Горячей, небольшой речью, он, от имени всех нас, уверил тов. Гавена в том, что мы все с большой радостью будем работать для торжества пролетарской революции в Крыму.

Когда улеглось немного наше возбуждение, тов. Гавен предложил нам обращаться к нему со всеми неясными вопросами.

«Всегда обращайтесь ко мне, вы должны ясно представлять себе ваши цели и задачи. Пусть ничего неясного у вас не будет».

Большое чувство прилило к душе . . . . Сколько товарищеской спайки было в зтой маленькой группе по сравнению с тем большим собранием в Народном доме.

С большой верой в правоту начинающегося дела, с чувством благодарности к старшему товарищу, расходились в тот вечер с первого своего собрания молодые члены только что родившейся организации большевиков г. Симферополя.

* * *

А вот и другой момент.

Работа нашей организации к декабрю дала уже ощутительные результаты. Связь с центром наладилась, главным образом, в смысле получения газет. Приехало несколько выдающихся товарищей: т. Торватский (погибший при отступлении в 1918 г.), Новосельские, муж с женой (муж также погиб при том же отступлении). Прибавилось несколько новых рядовых членов нашей партии, и жизнь закипела.

Функционировал городской комитет в составе т. Миллера, Торватского, Новосельских, Шаталова, Тимофеева, Шустера, Левит и Воевода. Председатель—тов. Миллер, секретарь—тов. Новосельская.

Среди членов профсоюза работали тов. Новосельский и Торватский. Тов. Гавен несколько дней после открытия клуба и

образования первой большевистской ячейки уехал в Севастополь. Там, в крупнейшем пролетарском центре в Крыму, необходимо было создать прочную базу для решительного выступления против контр-революции.

В нашей аудитории каждый вечер проводились собрания, при чем нас было уже не 15 человек: комната была переполнена солдатами, рабочими завода «Анатра» и железнодорожниками. Не поместившиеся на скамьях сидели на полу, на окнах, стояли в проходах. Лучинку заменила керосиновая лампа. Ежевечерно раздавались свежие газеты: «Правда» и «Известия» ВЦИК.

Слушали доклад, а то и просто читали и разбирали газетные статьи. Работа носила чисто агитационный характер по вопросам текущего дня. Дискуссии затягивались до глубокой ночи, проходя с живым интересом и при активном участии большинства присутствующих.

Не успевшие войти в аудиторию стояли на улице и все спорили, спорили. До поздней ночи не расходились товарищи, определяя свою точку зрения на происходившие тогда события.

Часто приходили из любопытства меньшевики, эс-эры, члены еврейских партий посмотреть, что делают большевики; они задавали «коварные» вопросы, иногда насчет блиндированных вагонов и пр. Но всегда аудитория относилась к ним враждебно и однажды с шиканием выпроводила одного из них.

Мы с чувством глубокого удовлетворения отмечали все новых и новых единомышлеников.

Иногда удавалось отпечатать в какой нибудь типографии листовку или перепечатать декреты советской власти на севере.

Когда наши комсомольцы расклеивали листовки по улицам, обыкновенно вечером,—город преобразовывался: по углам, особенно главных улиц, стояли толпы народа и спорили до хрипоты. Тут были представители всех партий, буржуа, рабочие и просто обыватели.

Одних пугали листовки большевиков, других радовали, у третьих вызывали откровенную злобу.

Ясно было, что наше влияние ширится и растет.

В ноябре в Симферополе состоялась Таврическая партийная конференция, на которой были подсчитаны, правда, небольшие, наши силы во всех городах Таврии, а также избран Губернский Партийный комитет.

Конференция постановила издавать свою газету в Севастополе. Для этого была избрана комиссия из двух товарищей: Гавена (Севастополь) и Констансова (Феодосия). Через некоторое время в Севастополе вышла наша «Таврическая Правда». Первым редактором ее был тов. Гавен. После редактировал газету тов. Кобелянский, а затем тов. Александрова, одна из амнистированных февральской революцией.

Симферопольской организацией была устроена встреча нового года, где мы собрали значительную сумму для поддержки газеты.

В Совете Рабочих Депутатов уже существовала небольшая фракция большевиков и сочувствующих, завоевывавших все большее и большее внимание среди членов Совета.

Вся эта работа протекала при большой травле со стороны всех партий, начиная с к.-д. и кончая «социалистическими» партиями. К тому времени высшей властью в Крыму был «Совет Народных представителей» или «народных предателей», как мы его называли: он был избран на таврическом С'езде представителей земств, городских управ и других либеральных учреждений.

Руководили его работой зн-зсы, меньшевики всех оттенков и зс-зры.

В декабре стали приезжать с фронта зскадронцы ее величества—Крымский кавалерийский полк. Передовые части уже были в городе.

Националисты-татары, почувствовав почву под ногами, подняли голову и стали организовываться.

Начавшиеся выборы в Курултай заранее показывали, что последний не будет представителем трудящихся татар Крыма.

Татарское народное собрание—Курултай, открывшийся в Бахчисарае, переехал работать в Симферополь. Во главе его стояли татары-шовинисты и реакционеры. Левое крыло его было чрезвычайно слабо.

Меньшевики и зс-зры заключили соглашение с татарами-шовинистами; дипломатические переговоры большевиков с ними ни к чему не привели, а, наоборот, обострили отношения. Настроение среди них было антибольшевистское. Такой же дух поддерживался ими среди татарских зскадронцев.

Последние, раз'езжая верхом по улицам, избивали нагайками мирнных жителей. Достаточно было им указать на кого нибудь, назвав его большевиком, как тот немедленно избивался и отвозился в офицерское собрание, где стояли офицеры зскадрона. Особенно солоно приходилось рабочим. Эскадронцы в них видели настоящих большевиков и распоясывались во-всю.

Помню, как однажды был избит и арестован тов. Сосников, член нашей партии, рабочий завода «Анатра». Глубокое возмущение было вызвано его рассказом об издевательстве над ним со стороны белоподкладочников.

Настроение в городе было подавленное.

Меньшевистский-же Совет рабочих депутатов был совершенно беспомощен, бороться с безобразиями эскадронцев было не в его силах, да и не входило в расчеты его лидеров, которые строили свои планы обороны от большевистской опасности, базируясь на «слепой силе» татарских зскадронцев.

Совет незаметно расползся: масса его членов значительно полевела, а Исполком, руководимый болтливой эс-зркой Семено-

вой и слабовольным левым меньшевиком Новицким, не идя с массой, остался висеть в воздухе.

Осебенно подчеркнулась беспомощность Совета, когда в последних числах декабря был разогнан эскадронцами Таврический С'езд рабочих профсоюзов.

Меньшевики и эс-эры, кроме протестов, ничего не могли сделать: их руки были связаны соглашением с лидерами Курултая, направленным против «общего врага»—большевистского Севастополя.

Население чувствовало свою беззащитность и было настроено против эскадронцев и шовинистов-татар.

К тому времени травля большевиков достигла апогея; мы перестали собираться в клубе, ушли на некоторое время в подполье, не переставая работать. Наши воззвания с призывом к восстанию против издевательств шовинистов и бессильного меньшевистского Совета встречали живой отклик.

Почва для захвата власти была прекрасно подготовлена.

С другой стороны, в Севастополе, в единственном пролетарском центре Крыма, с середины декабря власть уже была в руках большевистского Военно-Революционного комитета и Исполкома, руководимых тов. Гавеном и моряком тов. Пожаровым.

Севастопольский Ревком взял на себя инициативу захвата власти во всех городах Крыма и посылал на помощь местным большевистким организациям вооруженные отряды матросов Черноморского флота.

В ночь с 10 на 11 января главные силы Севастопольского Ревкома начали движение через Бахчисарай на Симферополь; 12-го под Альмой уже гудели пушки севастопольцев; здесь произошел бой между моряками и татарскими эскадронцами. Гул пушек значительно поднял наше настроение, и мы решительно приступили к действиям.

В ночь на 12 января, когда в союзе рабочих «Иглы» был устроен митинг по поводу разгрома на севере большевиками учредительного собрания, наши товарищи отправились на тайное собрание на завод «Анатра» для избрания временного Революционного Комитета, разработки плана действия для захвата власти.

Весь день 12-го января в городе было неспокойно.

В ночь на 13 января вооруженными анатровцами и железнодорожниками были захвачены почта и телеграф, разоружено много эскадронцев, для которых переворот был неожиданным.

Один рабочий разоружил сразу 2—3 солдат, которые добровольно отдавали винтовки, говоря: «Нам ничего не надо, отпустите нас домой».

В 10 часов утра 13 января длинной лентой тянулся обоз с вооруженными моряками по Севастопольскому шоссе.

Население стояло шпалерами на улицах и восторжено встречало их. Матросы помогли выбить засевших в высоких зда-

ниях и даже в соборе офицеров. К 4 часам вечера офицерское собрание уже перешло в наши руки: там поместился Революционный штаб, раздавалось и регистрировалось оружие, организовывалась Красная гвардия, численность которой превысила наши ожидания.

Пулеметная стрельба раздавалась по городу до глубокой ночи. Симферопольские рабочие и солдаты принимали участие в обнаружении спрятавшихся офицеров и розыске оружия. Буржуазия же спряталась в свои норы, предчувствуя, что советская Власть мало принесет ей хорошего.

Через несколько дней порядок в городе был окончательно водворен.

* * *

Эти два момента из жизни Симферопольской организации безусловно имеют историческое значение: это моменты зарождения и появления на свет крупнейшей организации партии, идущей уже несколько лет во главе борющегося пролетариата Крыма.

Рахиль.

Октябрьский переворот в Симферополе.

Октябрьский переворот в Крыму закончился победой 13-го января 1918 г., когда был взят наступавшими из Севастополя матросами и рабочими центр Крыма—Симферополь.

Советская власть в Севастополе установилась за месяц до вышеуказанной даты, но повсеместно в Крыму она могла восторжествовать только после разгрома контр-революции, вгнездившейся в Симферополе.

Главными кадрами, совершившими Октябрьскую революцию в Крыму,—были матросы Черноморского флота, рабочие и солдаты, прибывшие с фронта.

К октябрю в городах Крыма имелись уже организации большевиков, хотя очень слабые численно, но крепкие и сильные внутренней своей спайкой и огромным моральным весом среди масс трудящихся.

Выступления большевиков на митингах превращались в неистовые овации. Митинги и собрания стали непрерывными в буквальном смысле слова. Это время можно назвать митинговым временем.

В советах большевики составляли формальное меньшинство, но фактически все реальные активные революционные массы шли за большевиками.

Свое формальное большинство в советах мелко-буржуазные политические партии удерживали всякими хитрыми маневрами и махинациями; так, например, они вводили в советы и исполкомы представителей от всех, так называемых, «социалистических партий», а их было немало.

Таким образом, советы были превращены в своего рода междупартийные парламенты, где восседали лидеры многих фактически умерших политических партий, не имевших за собой масс. С другой стороны, правые социалисты старались дезорганизовать и распустить большевистские воинские части под предлогом об'явленной СНК в Москве демобилизации, в виду прекращения войны с немцами.

Главными боевыми кадрами контр-революции были сбежавшиеся со всех концов офицеры, нашедшие себе приют и организованный центр в штабе Крымских войск.

Численность их была очень значительная, сравнительно с вооруженными силами большевиков, ибо к этому времени с Ру-

мынского фронта много офицеров бежало в Крым. Все офицеры Черноморского флота также сбежались в Симферополь под крылышко штаба Крымских войск.

Политическим центром контр-революции являлся, так называемый, «Совет Народных представителей» (антитеза Совета Народных Комиссаров), справедливо получивший название «Совета Народных предателей». Он был сконструирован на основе коалиции буржуазных и мелко-буржуазных партий по образцу и подобию коалиционного правительства Керенского в последние дни его существования. В нем главную роль играли кадеты; эсеры же и меньшевики были только социалистической декорацией, прикрывающей буржуазную и контр-революционную сущность «народных представителей». Большевики не входили в этот, так называемый, Совет.

Октябрьская Революция в Крыму протекала в особых условиях большого аграрного движения безземельных татарских крестьянских масс, наряду с которыми существовало и националистическое татарское движение в рядах интеллигенции.

Главным рычагом аграрного движения было безземельное татарское крестьянство, крайне враждебно настроенное в отношении татарской буржуазии, в лице мурз-дворян, помещиков. Руководящая роль принадлежала татарской националистической интеллигенции, для которой провозглашение Крыма национальным государством и восстановление государственного суверенитета татар составляло историческую желанную мечту.

Политическим центром этого движения был татарский парламент Курултай, возглавляемый «миллифирковцами», в переводе «народной партией».

Курултай опирался, как на реальную вооруженную силу, на татарский драгунский полк. Этот кавалерийский полк был всецело на стороне штаба Крымских войск, действовавшего через контр-революционное офицерство, стоявшее во главе полка, несмещенное революцией. Это обстоятельство проглядели и сами руководители Курултая. Нужно сказать, что, приблизительно за три недели или за месяц до своего падения, коалиционная власть потеряла всякое руководство и управление над событиями, вследствие наступления большевиков и народных масс, с одной стороны, и подлинной контр-революции—с другой.

Махровые контр-революционеры засели в штабе Крымских войск, где они вели весьма тонкую, гибкую, разнообразную по форме и содержанию подпольную провокационную работу и против большевиков, и против татар, и против Совета Народных представителей.

До октябрьского столкновения со стороны комитета большевиков были приняты меры и шаги к предотвращению излишнего

кровопролития, путем изоляции татарского Курултая от Совета Народных представителей. С другой стороны, большевики пытались вывести драгунский полк из-под политического и административного воздействия штаба.

Оказалось, что ни Курултай, ни «Совет» не имеют больше власти,—последняя сосредоточилась в руках офицерских отрядов и штабов.

В первых числах января был пред'явлен ультиматум со стороны комитета партии большевиков татарскому Курултаю—удалить из драгунского полка всех русских офицеров путем введения выборного начала, допустить свободную агитацию и пропаганду среди драгун, выдать всех остальных офицеров, о чем об'явить по войскам, помочь разоружить контр-революционные отряды и т. д.

Было установлено совместное совещание представителей татарского Курултая, правительства и комитета большевиков. Часть этих требований, как, например, введение выборного начала и изгнание русских офицеров из драгунского полка, курултайцы принимали, но отказались взять на себя разоружение частей и выдать офицеров.

Переговоры не могли привести к благоприятным результатам, ибо оказалось, что вся полнота власти находится в руках штаба Крымских войск, а не в руках рабочих, крестьянских и солдатских стихийно двигавшихся масс.

Выступление было начато со стороны Курултая, сделавшего попытку продовольственной осады Севастополя, захвата Камышловского моста и некоторых прилегающих стратегических пунктов.

6-го—7 января была сделана попытка захватить губернаторский дом, где находился Совет и рабочая организация. Это было понято, как первый сигнал—выстрел контр-революции, и вызвало взрыв революционной энергии в матросских, рабочих, крестьянских и солдатских массах.

Все пришло в неистовое движение.

Начиная с 6-го по 13 января, каждый день улицы Симферополя буквально были запружены массами людей, среди которых, как в клокочущем море, плавала фигура эскадронца-драгуна в красной шапке с кнутом в руках, еле отбивавшаяся от грозно наступавшей толпы.

Дело в том, что эскадронцев посылали разгонять митинги и собрания на улице. Разогнанные митинг или собрание на одном углу тотчас-же собирались на другом в 20—30 шагах.

Сражение из-за Камышловского моста было проиграно драгунами.

То же произошло под Бахчисараем. Последний бой на Альме тоже проигран был. Бой закончился, кажется, между 8—9 час. вечера 13-го января.

После получения известия о провале Альминского сражения началась паника и бегство «народных» представителей и руководителей Курултая.

Двуединная Крымская коалиционная власть в Крыму рушилась.

Утром 14-го января матросы Черноморского отряда входили в Симферополь. Но еще вечером и ночью 13-го января вся власть перешла в руки большевиков.

И. Фирдевс.

История большевистского переворота в Ялте.

В начале ноября месяца 1917 года, при получении первых известий о свержении Временного Правительства в Петрограде, небольшая ялтинская партийная организация усилила работу по подготовке масс к захвату власти.

Организация поставила перед собой задачу: сделать ялтинский совет, бывший эсеро-меньшевистским,—большевистским.

Крупная агитационная работа, проведенная в различных профессиональных союзах, сделала их нашими. Происходившие в конце ноября выборы в совет, дали представителей профессиональных союзов, поддержавших в совете наших товарищей.

Совет составлялся из представителей профессиональных и военных организаций, а также из представителей партии; большевиков, меньшевиков, эсеров и народных социалистов—по 6-ти представителей от каждой партии.

Военные части, за исключением одной артиллерийской батареи, поддерживали меньшевиков и эс-еров. Благодаря тому, что представители враждебных нам партий имели в составе 18 голосов против 6 большевистских, им удалось небольшим количеством голосов проводить все то, что было в интересах этих партий.

По вопросу о роспуске городской думы, поднятому нашей фракцией в средине декабря месяца, голоса членов совета разбились в следующем порядке: 44 за роспуск, 46 против; при чем за роспуск голосовали представители профессиональных организаций и артиллерийской батареи. Таково было соотношение сил в совете.

Одновременно с этим велась большая работа среди фронтовиков-солдат, в большом количестве прибывших в Ялту и организованных нами в союз фронтовиков.

Этот союз работал под руководством организации и представлял из себя вполне подготовленный кадр для выступления и захвата власти.

В конце декабря месяца власть в Севастополе была уже в руках революционного комитета, руководившего всей борьбой против Курултая и офицерско-помещичьих отрядов, сорганизовавшихся в Симферополе.

В начале января месяца 1918 г. было подготовлено вооруженное выступление в гор. Ялте.

Всей работой по подготовке восстания руководил тов. Булевский. 4-го января он предложил мне отправиться в порт и организовать дежурство у прямого провода для связи с Севастополем.

С 4-го по 9-е января дежурство у прямого провода бессменно продолжалось, и сведения, получавшиеся из Севастополя, говорили о том, что на подмогу Ялте должен прибыть контр-миноносец, имевший привести с собой крупную партию оружия.

В ночь на 9-е января прибыл контр-миноносец «Хаджи-Бей», осветивший весь город яркими лучами прожектора.

Скопившаяся в большом количестве в Ялте дворянская знать и буржуазия в этом зловещем свете прожекторов ясно почувствовала гибель своих надежд.

По указанию тов. Булевского вся местная организация коммунистов, состоявшая из 25 человек, сосредоточилась на молу у «Хаджи-Бея» вместе с довольно крупной группой фронтовиков-солдат.

Тов. Булевский вместе с тов. Вагулом, прибывшим на контр-миноносце, быстро принялись за организацию вооруженного отряда.

Все прибывшие были разбиты на десятки и во главе каждого десятка поставлен испытанный товарищ.

Вооружение было слабое—большинство было вооружено берданками, очень небольшое количество—винтовками.

Первым долгом постановлено было разоружить гарнизон, захватить автомобили и прочие перевозочные средства.

Действия начались этой же ночью.

На двух автомобилях, не более двух десятков товарищей отправились в Массандровские казармы, где, арестовав коменданта города, капитана Лукомского, решительными мерами захватили входы у казарм и обезоружили 2 роты солдат.

Самое важное в этом деле было то, что удалось, во-первых, обезоружить довольно крупную вооруженную силу; во-вторых—теперь можно было снабдить винтовками наши десятки.

Вслед за этим вооруженные отряды рассыпались по городу и приступили к захвату домов, гостиниц, где жило очень много офицеров, которых обезоруживали.

Некоторая часть отряда была направлена на Дерекойскую дорогу, т. к. ожидалось выступление татарских вооруженных сил.

Были приняты меры к тому, чтобы стоявшие в городе 2 эскадрона Крымского конного полка обезоружить, но операция эта была отложена до утра.

Фактически к утру вся власть в городе была в руках Революционного Комитета, выпустившего воззвание к населению и об'явившего как о роспуске старого совета, так и городской думы. Но Революционному Комитету не пришлось немедленно приступить к творческой работе, так как эскадронцы Конного полка, за исключением небольшой части, обезоруженной нашими отрядами, успели в полном вооружении отойти к дер. Дерекой, где они организовали вооруженное сопротивление.

Первый же день боя окончился их поражением. Выкинуты были белые флаги; но это оказалось обманом, так как лидерам татарских контр-революционеров нужно было выиграть время в ожидании подхода подкрепления из Симферополя. Переговоры поэтому не привели к чему-либо и конным эскадронцам удалось уйти в дер. Никиту, где был организован контр-революционный штаб борьбы во главе с кн. Оболенским.

Рано утром 11-го января наши отряды начали наступление на дер. Никиту, но, благодаря плохой организации дела, отсутствию единого руководства и связи, потеряв много людей, вынуждены были отступить к гор. Ялте.

Небрежное отношение к обороне города, плохая дисциплина среди красных гвардейцев привели к тому, что к утру город оказался в руках офицерских банд.

Отряды, разошедшиеся по домам на отдых, трудно было собрать; тем не менее, т. Булевскому понемногу удалось стянуть отдельных товарищей, снова их сорганизовать и бросить в бой против офицерских отрядов.

Главные силы группировались на молу и в предместьях города—Аутке и Ливадии.

Контр-миноносец «Хаджи-Бей» вышел в море и оттуда начал обстрел города.

К вечеру противника удалось выбить из города, но на подступах в городу, главным образом, в дер. Дерекой, Ай-Василь, у Мордвиновского дворца и на кладбище в течение 7-ми суток шли бои.

Эти бои вызвали страшное ожесточение, особенно после того, как группа наших товарищей, во главе с тов. Кином, захваченным в плен в Мордвиновском дворце, была расстреляна.

Нужно отметить, что до момента расстрела этих товарищей с нашей стороны не только не было ни одного расстрела, но, наоборот, захваченные в плен 26 эскадронцев были дружелюбно приняты и отпущены по домам под честным словом не принимать участия в вооруженной в борьбе против нас.

На расстрел товарищей мы ответили массовым расстрелом офицеров.

16-го января мы успешно стали отбрасывать отряды от города, отжимая их с одной стороны к Алуште, а с другой в горы.

17-го числа противника мы перед собой не видели, что явилось, главным образом, следствием того, что севастопольским отрядам моряков удалось захватить Симферополь и бросить нам на подмогу через Алушту в тыл противнику крупный отряд.

Паника среди офицерских отрядов привела к тому, что в течение—одного двух дней вся местность была освобождена и власть Революционного Комитета в Ялте прочно установилась.

Первой задачей Революционного Комитета была подготовка выборов нового совета и организация вооруженных сил. Задача в отношении создания совета была выполнена,—что же касается организации вооруженных сил, то эта работа подвигалась с большим трудом, так как много авантюристических элементов вошло в красную гвардию и мешало правильной ее организации.

Перед партийной организацией стал вопрос о создании достаточно мощных вооруженных сил, могущих во всякую минуту оказать поддержку совету.

С этой целью парткомитет начал военное обучение членов партии и организовал из них отряд в несколько десятков человек; возможность была—в силу значительного роста организации после захвата власти.

Совет организовал ряд аппаратов для проведения всей текущей работы, для организации хозяйства, жилищного и продовольственного вопросов.

Первый большевистский совет в гор. Ялте просуществовал с 24-го января 1918 г. по 29-е апреля 1918 г., когда, вследствие занятия Крыма германскими войсками, он вынужден был прекратить свое существование, выехав на Кубань.

А. Биркенгоф.

Евпаторийский Октябрь и начало Соввласти.

Светлой памяти Спера и Д. Караева, погибших за торжество коммунизма.

I.

В сумбурные, тревожные дни августа—сентября 17 года, дни военной авантюры Корнилова, дни единения «революционной демократии»—Евпаторийская организация была еще единой; до августа она имела сильный меньшевистский уклон, а с августа большевистский, не по дням, а по часам возраставший.

Надо сказать, что оба эти крыла в тот и другой периоды были вполне автономны вопреки партийной дисциплине и весьма энергично сражались между собой как на партийных собраниях, так и на митингах—в театрах, в городском саду и в солдатских казармах.

Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов в то время был под исключительным влиянием эсеров; председателем его был правый эсер К. П. Афанасьев, а секретарем—впоследствии ставший левым эсером поручик Вдовиченко.

Однако, в Исполком входили по праву представительства от партии—и эсдеки, помнится, поровну от большевиков и меньшевиков.

На восстанье Корнилова Совет единогласно ответил готовностью к немедленному выступлению с оружием в руках на защиту Республики. Произошло весьма тревожное заседание Совета; яро выступал представитель эсеров Г. М. Шидарев (тогда еще лев. эсер) и представители эсдеков—Ж. Миллер (больш. крыло) и Е. Штейнбах (меньш. крыло).

Эти дни были последней попыткой об'единения необ'единимого. Раскол в «едином фронте революционной демократии» становился неизбежным и здесь, в отдаленном от «центра» городке, затерянном в приморских степях.

Влияние большевиков усиливалось как в Совете, так и, особенно, внутри единой организации РСДРП, где уже с начала сентября секретарем состоял б-к Ян. Булевский, впоследствии расстрелянный на Украине гайдамаками.

Меньшевистская часть в лице ее лидеров—Штейнбаха, Дымшица, Шкиблевского (впоследствии расстрелянного Врангелем), Ефета, Джигита, Танского и др.—злилась, нервничала, пыталась срывать собрания и митинги, но сделать ничего не могла: почва неуклонно выскользала у нее из-под ног.

Особенно интересна и показательна была борьба за влияние в школе летчиков, недавно прибывшей из Киева, в которой образовался сильный большевистский центр, руководимый т.т. Находкиным, Матвеевым, Очкиным и Сергеенко.

Наконец, разрыв наступил. Поводом к нему послужила кампания по выборам в новое демократическое земство.

Вследствие преобладания большевиков, от РСДРП составлен был список кандидатов в члены зем. собр., в который не попал ни один меньшевик. Перенести этот удар последние были не в силах и 17 сентября, во время общего собрания организации, они поднялись, демонстративно заявили о своем выходе из состава Евпаторийской организации и при общем смехе и шутках в мизерном количестве покинули залу.

С этого момента большевики существовали отдельно, как самостоятельная организация, и огромная комната в гостинице Бейлера—клуб и одновременно помещение комитета—по праву большинства осталась за большевиками.

В связи с расколом пришлось произвести перевыборы партийного комитета, который сконструировался из следующих лиц: председатель Ж. А. Миллер, секретарь и казначей В. А. Елагин, члены А. С. Турецкий, Дм. Караев, А. Н. Елагин, Г. В. Якубовский, Спер (впоследствии один из видных борцов крымского подполья, расстрелянный Врангелем) и Эсф. Турецкая.

Численность организации в то время доходила, помнится, до 100 чел. (преимущественно солдаты и рабочие), и Евпаторийский большевистский центр, как оказалось впоследствии, являлся крупнейшим центром во всей предоктябрьской Таврии, кроме Севастополя, большая организация которого насчитывала в то время более 250 человек.

Настроение рабочих масс, состоявших в Евпатории по преимуществу из мелких ремесленников, было двоякое: хозяйчики вместе с лавочниками шли за эсерами, поденщики же и чернорабочие, возглавляемые небольшой группой металлистов машиностроительного заводика (вождем их был старый партиец С. М. Поплавский), а также солдаты местного гарнизона определенно были «нашими».

Что большевистски настроенные элементы преобладали, было видно из успеха наших ораторов на открытых заседаниях Совета, на митингах и собраниях в общественных местах, не говоря уже о солдатских казармах.

Однако, этот успех не мешал эсеровским лавочникам по уголкам подлаивать центру о «немецких деньгах» и «шпионах» и организовывать при случае погромные настроения.

Что касается деревни, то она была определенно эсеровской. Наш комитет неоднократно посылал по уезду своих агитаторов, но большого успеха они не имели.

Надо сказать, что при выборах в земство наш список собрал свыше 500 голосов, проведших в земское собрание представителя б-ков т. Ж. Миллера. Председателем земского собрания был тот же К. П. Афанасьев, типичный интеллигент.

Связи с ЦК большевиков наша организация совсем не имела. Вообще, связь с центром была крайне слаба.

Временное правительство за все время своего бытия послало сюда лишь двух эмиссаров, да и то, был ли один из них —вольноопределяющийся Т.—действительно таковым, представляется чрезвычайно сомнительным. Этот Т., правый из правых эсеров, по приезде своем в Евпаторию не раз публично выступал с громовыми речами против «узурпаторов-большевиков», но очень скоро куда-то уехал; однако, в конце октября он опять появился у нас, но уже... левым эсером и стал почему-то тихонько по уголкам советовать нам, отдельным большевикам, приступать поскорее к восстанию. Пошушукался—и улетучился снова.

Другой эмиссар—эсер с очень левым уклоном (левым эсером он все же не стал), прапорщик Ф. Н. Раецкий, был одним из тех немногих офицеров, которые имели впоследствии мужество, не принадлежа к РКП, открыто отказываться от белогвардейских мобилизаций, следствием чего для иных был расстрел. Имя Раецкого в средине октября, между прочим, послужило нам знаменем в первом и победном нашем сражении с врагом.

Дело в том, что по распоряжению губернской власти на вновь учрежденный пост уездного комиссара был назначен председатель земской управы, местный богач-домовладелец И. Б. Шишман; наша организация забила тревогу и решила ни в коем случае не допускать такого назначения.

Наша фракция в Исполкоме при обсуждении кандидатуры в уездные комиссары решительно отвергла кандидатуру Шишмана. Возражение наше встретило горячую поддержку со стороны меньшевика т. Дымшица. Тов. Дымшиц—энергичный и экспансивный—постоянно поддерживал нас и в конце концов перешел в РКП. Эта поддержка и выставленная нами кандидатура эсера Раецкого (для нас менее всего одиозного)—решила дело. Предложение о назначении Шишмана было отвергнуто.

Пара слов о нашей революционной прессе. Ни одна из партий в евпаторийских условиях органов печати, конечно, иметь не могла, существовала одна лишь газета «Революционная Евпатория» в качестве ежедневных известий Совета Р. и К. Депутатов.

Во главе ее стояла Редакционная Коллегия на паритетных началах—в составе А. Елагина, Штейнбаха и Раецкого. Однако, так как постоянным редактором газеты был—б-к Г. Яку-

бовский, то волей неволей от нее попахивало большевистским душком, что гегемонам-эсерам очень не нравилось.

II.

Отсутствие в Таврической губернии окружного или губернского руководящего большевистского центра сильно давало себя знать и всеми чувствовалась настоятельная необходимость создания такового. Это тем более представлялось необходимым, что в Симферополе нашей организации на деле не было, что, конечно, никоим образом терпимо быть не могло. По инициативе ли Евпаторийской организации или приезжавших в Евпаторию отдельных симферопольских товарищей (приезжал тов. Шустер) решено было созвать общегубернскую партийную конференцию (в историю, вследствие своей малочисленности, она вошла под именем совещания). Открылась она 1-го октября в 2—3 часа дня в помещении клуба строительных рабочих на Салгирной улице против базара.

Представлены были далеко не все организации Таврической губернии. Прислали представителей: Евпатория—В. Елагина, Миллера и Булевского; Ялта—Яна Тарвацкого; Бердянск—Демишова, Симферополь—Седова, Дукачева и третьего, фамилии не помню; Севастополь почему-то прислал лишь одного делегата, какого-то матроса-интеллигента.

Порядок дня конференции был приблизительно следующий: 1) информация с мест, 2) текущий момент и тактика большевиков, 3) создание губернского центра, 4) выборы в учредительное собрание и составление списка кандидатов в него.

Взаимная информация выяснила, что самой сильной и многочисленной является Севастопольская организация, а затем Евпаторийская и что самым крупным работником организации является Жан Августович Миллер, латыш по происхождению, рабочий по социальному положению, а впоследствии член ВЦИК—он с юных лет стоит в рядах борцов революции. Пламенный, истинно-революционный темперамент толкает его в самую кипень боев и в 1905—6 г. г. он бьется с черной реакцией латвийских баронов. Победа реакции заставляет его бежать за границу, где он проводит все годы до революции, работая на заводах в Чикаго и других крупных центрах Америки. Одновременно он ведет революционную работу и учится в Чикагском ун-те, который и оканчивает со званием кандидата прав.

По возвращении в Россию он, вследствие тяжелой болезни, направился в Евпаторию для лечения солнцем; вскоре по приезде он начинает работать в местной организации РСДРП. Живой практический ум, солидная марксистская подготовка, блестящий ораторский талант, несомненное честолюбие—все это обеспечило за тов. Миллером одно из центральных мест в подготовке Крымского октября и в истории республики Тавриды.

Тов. Миллер единогласно был избран конференцией нашей губернским организатором партии, с одной стороны, благодаря своим личным качествам, с другой—вследствие того, что отзыв его из Евпатории не мог отразиться на работе местной организации, имевшей несколько других достаточно сильных работников.

Специального докладчика по вопросу о текущем моменте не было, вопрос был разобран в продолжительной непринужденной беседе всех конферентов.

После информации т. Миллера о порядке выборов в Учредилку (ЦК связался с Симферополем и прислал кое-какие материалы и предложение поставить во главе списка тов. Я. Сокольникова) конференция перешла к обсуждению списка кандидатов в члены Учредительного собрания. Вторым в списке поставили Миллера, третьим Островскую от Севастополя. Кроме того, включили в список Седова, Тарвацкого, Елагина, Дукачева, Демишова и друг.

На этом часов в 9 вечера 2 октября заседания конференции были окончены.

Отмечу проведенные параллельно заседаниям два многолюдных митинга, где при шумном сочувствии аудитории т. Миллер разбил в пух и прах не привыкших к выступлениям крупных большевистских сил корифеев местной «социалистической» власти: эффектную эсерку Семенову, впоследствии вошедшую в ряды РКП и затем исключенную, плехановца Бобровского, будущего «министра крымского» и друг.

В Евпатории в связи с отзывом Миллера произошли перемены: товарищем председателя Совета был избран Караев, а состав Исполкома пополнен автором настоящих воспоминаний.

Не могу не сказать пару слов о культурно-просветительной работе нашей организации, работе в то время в своем роде единственной. Большую популярность доставили нам два литературно-музыкальных вечера, состоявшихся 15 и 29 октября,—очень хорошо сорганизованные с удачно составленной революционного характера программой.

Несмотря на то, что губернский парторганизатор был выделен, влияния губернского центра на места долгое время совершенно не ощущалось, в особенности это было заметно у нас, в Евпатории, каковую, может быть, забыли намеренно, вследствие чрезвычайных надежд, возлагаемых на местные партийные силы. Однако, в дальнейшем надежды эти не оправдались. В организации возник кризис в связи с октябрем,—вернее, это был кризис вождей, заколебавшихся в острый момент и отставших от решительно настроенных масс.

III.

Первая весть о происшедшем перевороте достигла Евпатории 28 октября; мы как-то сразу узнали о составе Совета Народ-

ных Комиссаров, возникшего в Питере, и о продолжавшихся еще московских боях. Все зто со вскоре поползшими зловещими слухами о полном разгроме Москвы производило ошеломляющее впечатление, создавало настроение неопределенности и неустойчивости.

В этот же день, 28-го поздно вечером, в одной из комнат Пушкинской аудитории было созвано зкстренное заседание нашего партийного комитета, на которое, за исключением Караева, явились все члены.

После обмена мнений мною было высказано суждение о преждевременности восстания и о неизбежном следствии его—изоляции пролетариата и гибели всей революции; решено было тактику принять осторожную и декларировать свое отрицательное отношение к восстанию, как преждевременному и могущему нанести непоправимый удар революционному делу. Резолюция зта, вначале составленная чрезвычайно туманно, а затем отредактированная в более определенных тонах («кадетская», как в полемическом задоре назвал ее т. Караев) была оглашена на двух чрезвычайных заседаниях от имени Евпаторийской организации б-ков: 30-го октября на открытом заседании представителей партийных и общественных организаций и учреждений (в первой туманной редакции), состоявшемся в Большом зале городской думы, и 31-го октября на открытом же заседании Совета (во второй более ясной редакции)—в Пушкинской аудитории.

Между прочим, надо сказать, что оглашать резолюцию эту от имени всей организации права комитет не имел, т. к. за время с вечера 28-го октября и до вечера 2-го ноября общего собрания членов организации созвать не удалось, несмотря на двукратное назначение такового—на 30 октября и 1-е ноября в вечерние удобные для всех часы.

Уже после «общественного» заседания в думе, где представителем от комитета выступал т. Турецкий, для членов комитета становилось ясным, что в связи с декларацией среди партийных масс замечается глухое брожение и неудовольствие.

После же открытого заседания Совета, где защищать декларацию пришлось В. Елагину, положение определилось вполне. Позиция комитета организацией не была принята.

Перед нами, членами комитета, встал вопрос: или признать ошибочным свое поведение или выйти из партии.

Помнится, что никаких совещаний между нами по зтому вопросу не происходило,—каждый пришел на общее собрание 2-го ноября со своим единоличным решением.

О неладах, происходивших у нас, было дано знать в Симферополь и, «чтобы сгладить углы», в Евпаторию приехал т. Миллер и выступил на общем собрании с обширною речью, в которой убеждал нас одуматься и остаться в партийных рядах. Приезд Миллера возымел свое действие.

К концу ноября и началу декабря положение в Евпатории было таким: с одной стороны—под‘ем революционного настроения в массах, с другой—наглеющая офицерская контр-революция, открыто организующая свои отряды для активной борьбы.

В Крым к той поре понаехало с севера громадное количество буржуазии, юнкеров и офицерства, которые решили сделать из Крыма второй оплот возрождения старой России.

Шла отчаянная провокационная работа среди крымских отсталых татар, которых белогвардейцы предполагали использовать и использовали в своих авантюристических целях.

В зто время в Крым прибыли с германского фронта, так называемые, «эскадронцы», т. е. кавалерийские части, набранные исключительно из татар.

Один из таких эскадронов был водворен и в Евпатории и с первых же шагов своего пребывания там повел себя вызывающе и провоцировал столкновения с рабочими, матросами и солдатами.

Одно из таких столкновений превратилось в настоящую битву, во время которой один рабочий был убит и ранено 2—3 матроса.

Наконец, эскадронцы произвели налет на партклуб, разгромили его и, если-бы не находчивость секретаря организации Маси Гриншпун, уничтожившей списки и адреса членов партии,—дело могло бы окончиться арестом и избиением иных из наших товарищей.

В средине декабря в Севастополе была установлена Советская власть. У нас в Евпатории отозвалось это двояко: белогвардейцы начали делать попытки разоружения революционных солдат, чего вскоре с успехом достигли, и заменили доброжелательно настроенного к нам начгара подполковника ген. штаба Молотова—«своим», полковником Выграном, местным помещиком, одним из организаторов офицерских отрядов; большевики же почувствовали под собою прочный фундамент, завели с Севастополем связи и повели кампанию за перевыборы в Совет, эсеровское большинство которого становилось в то время явным анахронизмом. Перевыборы были произведены и, конечно, дали большинство большевистское.

Председателем Совета был избран т. Дмитрий Караев, редкий знтузиаст, честнейшей души человек, не знавший никаких компромиссов. По профессии он был маляром. До революции очень и очень увлекался толстовством, но революция все в нем перевернула вверх дном и он отдался ей всецело и безраздельно.

Политическая атмосфера как в Евпатории, так и по всем городам Тавриды сгущалась все больше и больше. Что взрыв неминуем—ясно видели все. Белогвардейцы решили перейти в наступление, но захват инициативы им не дал ничего: грохот пушек на Бахчисарайских холмах возвестил начало конца их не имевшей глубоких корней авантюры. В трехдневном бою эскад-

ронцы были разбиты матросами под руководством севастопольского Военно-Революционного Комитета и 14 января после сильных уличных боев над Симферополем поднято было победное красное знамя.

IV.

В Евпатории еще в конце декабря, в виду повышенной активности белогвардейцев, ясно сознавалась необходимость организации отпора их посягательствам.

С этой целью был образован подпольный военно-революционный Комитет, в который входили также и представители меньшевиков и эсеров (пример довольно редкий в истории нашей борьбы), так как активность белогвардейцев носила у нас не только антибольшевистский, но и вообще антисоциалистический характер.

В состав этого комитета вошли: от бк—ов—Караев, А. Елагин, Демишев, от меньшевиков—Дымшиц, от эсеров—Шидарев, Раецкий, Тверденко. Кажется, входили также б—ки Матвеев, С. Немич, Поплавский, меньшевики Штейнбах и Джигит и эсеры Кебабчьянц и Мишуков.

Надо сказать, что Военревком этот цели своей не достиг—отчасти вследствие разнородности своего состава, отчасти вследствие создавшейся об'ективной обстановки, дававшей абсолютный перевес силам белогвардейцев.

Создание красной гвардии в начале января делу не помогло, т. к. в распоряжении нашем не было основного—оружия.

Попытка агитацией разложить главную силу белогвардейщины—пресловутых татар-эскадронцев—тоже ничего не дала. Мало того: горячие речи проникших в казармы т. т. Караева и А. Елагина едва не окончились гибелью этих последних при благосклонном содействии командира татар корнета Отмерштейна.

Кажется, 10—12 января начгар Евпатории Выгран был почему-то отозван в Симферополь и на его место назначен его помощник, фамилию коего, к сожалению, не помню.

К этому времени последнею нашей реальной опорой, после окончательного разоружения летчиков, оставались две батареи береговой артиллерии.

Новый начгар решил немедля начать на падение на этот последний угрожавший белогвардейщине пункт. 13-го января рано утром в Совете и Парткоме стало известным, что офицерские отряды окружили батареи, арестовали артиллеристов-солдат и пешим порядком направляют их в Симферополь.

Положение создалось отчаянно трудное. Ясно было, что своими силами справиться с белогвардейцами мы, безусловно, не сможем. Однако, председатель Совета и Военревкома т. Караев решил на свой страх и риск попытаться дипломатически, силою слова, заставить белогвардейцев остановить свое наступление. Это было безумием. Тов. Караев настоял на своем и один отпра-

вился на батареи, находившиеся на берегу моря, за городом, в дачном районе. Больше мы его не видали. Неустрашимый борец революции, вождь евпаторийских рабочих, как вскоре стало известным, погиб мучительной смертью, исполняя свой долг.

14-го утром, видя, что т. Караев не возвращается, Военревком, вполне основательно предположив, что за гибелью председателя Совета (в чем сомневаться не приходилось) последует разгром и самого Совета, решил просить Севастополь о помощи.

Кто-то помчался туда на моторе, добытом у летчиков, какбудто тов. Турецкий.

Развязка приблизилась. Белогвардейцы почувствовали, что она не будет в их пользу. И вот, 14-го ночью, на паровозе, на мажарах и пешком они потянулись на север, прямо к Джанкою, минуя Симферополь, о котором уже ходили для них зловещие слухи.

В тот же вечер, или в ту же ночь, точно сказать не смогу, мы узнали нечто о пропавшем Караеве от 2—3 солдат-батарейцев и от сторожа дачи, где помещался штаб офицерских отрядов.

Этих солдат не увели еще с батареи, когда туда явился тов. Караев. Он сейчас же стал говорить, по обыкновению, пламенно, вдохновенно и смело. От имени Совета предложил он вооруженным офицерам освободить арестованных артиллеристов и уйти с батарей.

Офицеры стали над ним издеваться, а один из них, капитан Новицкий, ударил его прикладом и с матерной бранью заорал во все горло: «Сволочь! Жидовская морда! Молчать! Ишь разошелся! Ведем его в штаб!»

Гремя оружием, палачи окружили Караева и повели. Караев был бледен, но совершенно спокоен и крикнул солдатам: «Прощайте, друзья!»

Сторож вышеназванной дачи рассказал, что группа офицеров 13-го утром привела к воротам дачи бледного, окровавленного человека, ему неизвестного. Человек этот все время твердил: «Вы не имеете права», а господа офицеры злобно смеялись. Затем его ввели в дом. Не помню, тут же или несколько позже, сторож услышал там выстрелы, нечеловеческие дикие крики страданья и боли, многоголосый говор и шум. Потом все затихло. Приведенного бледного человека больше он не видал. Конечно, это был никто иной, как тов. Караев. С утра решили выйти на поиски.

15-го января рано утром с моря раздались орудийные выстрелы. На горизонте были видны силуэты двух кораблей.

Все были в недоумении, кроме некоторых членов Ревкома. Только эти последние знали, что корабли эти—помощь из Севастополя; что по прибытии к Евпаторийскому берегу с них слетел гидроплан на разведку; что моряки при отлете условились: если он через час не вернется обратно, значит, в городе белогвардейцы—необходим артиллерийский обстрел.

Разведчики связались с частью Ревкома, но гидроплан, вследствие противной волны, не смог улететь обратно в назначенный срок,—и в город, главным образом, в богатые высокие дачи, полетели снаряды.

Когда гидроплан, наконец, поднялся, обстрел прекратился. Пострадавших было что-то немного—убито и ранено 2—3 случайных прохожих.

Во время обстрела члены партии, рабочий Ф. Чирков и летчик Гехтман, взяли мотоциклет и помчались в дачный район на поиски тела Караева. Они боялись, чтобы офицеры, отступая, его не взяли с собой.

В даче, занимаемой штабом белогвардейцев, было тихо и пусто. После долгих и тщательных поисков товарищам удалось отыскать следы многочисленных ног, идущие по садовым дорожкам вглубь сада. Следы привели их к ограде, а оттуда на берег моря, к свеже зарытой и затоптанной яме.

Кажется, рядом валялась забытая кем-то лопата. Товарищи поняли, что здесь лежит дорогой тов. Караев, что в живых его нет, что все надежды напрасны.

В волнении они разрыли могилу. Труп вождя был ужасен. Он носил следы побоев, штыковых и пулевых ранений, спинной хребет был переломлен и согнут так, что голова приходилась к ногам. Впоследствии врачи констатировали, что смерть произошла не от ран, а исключительно от перелома хребта. Значит, в момент совершения казни, достойной средневековых застенков, Караев был жив и, быть может, даже в сознании.

Чирков и Гехтман достали подводу, положили на нее тело Караева и направились в город, окруженные гневной, зовущей к мести толпой.

А там, после обстрела, Приморский бульвар и главная улица, названная впоследствии Караевской, кишмя кишели черной шумящей толпой, и громкие клики приветствий гремели, то затихая, то разгораясь, навстречу десанту матросов и нашим красногвардейцам, уже успевшим вооружиться брошенным офицерами оружием.

Десантом командовали матросы: Бреславец, Федосеенко и Куликов; красную гвардию вел наш бывший начгар подполковник Молотов.

Отряды и толпы народа—все двигались к пристани РОПИТ, где расположился Ревком, в здании таможни и морского агентства, на флагштоке которого уже развивалось красное знамя.

Вскоре матросы и красногвардейцы были разосланы группами по 3—4—5 человек по дачам и городу на поиски оружия и разбежавшихся белогвардейцев. И в том, и в другом недостатка не оказалось.

Оружие тащили охапками. Т.т. Эпштейну и Якову Гриншпуну удалось разыскать даже несколько пулеметов.

В поимке беглецов принимали участие и работницы-женщины. Так, ими был найден и жестоко избит один из убийц Караева—капитан Новицкий. Бледных, зачастую дрожащих, приводили пленных к Ревкому, и каждый раз огромная толпа в яростном гневе кричала: «Смерть им собакам!» Всех арестованных для заключения переправляли на транспорт «Трувор», стоявший на рейде.

Немедленно по прибытии моряков Военревком, как соглашательский, был переизбран и новый состав его оглашен т. Куликовым и утвержден на всенародном митинге на Приморском бульваре. В его состав, насколько я помню, входили: Молоканов, Антонина, Варвара и Семен Немичи, Мищенко, Демышов (как председатель) Майборода, Грубе, Матвеев. Других, к сожалению, не помню. Все исключительно большевики.

Тогда же была образована следственная комиссия, прообраз Чека, из членов коей помню только Шидарева и А. Елагина.

Комиссия зта, с утра и до ночи, была занята разбором дел арестованных, коих было, если не ошибаюсь, до сотни.

Многие арестованы были ошибочно, по наговорам; так, был задержан известный своей гуманностью д-р И. Б. Казас и, конечно, тотчас же отпущен; как бывшие офицеры, несколько раз арестовывались и выпускались зсеры Раецкий, Мишуков и Тверденко

В общем комиссия освободила около 50-ти чел.

Многие находили работу ее недостаточно твердой, и вскоре она была целиком переизбрана.

По окончании следствия виновные в участии в офицерских отрядах в количестве до 40 чел. были расстреляны и брошены в море. Был, между прочим, расстрелян и Выгран, арестованный несколько позже на ст. Сарабуз.

Комендантом города был сперва, кажется, т. Турецкий, а затем т. Молотов. В зто же время вновь появился бывший змиссар Временного правительства Т., но уже в качестве большевика, чуть ли не делегата ЦК. Он был назначен комиссаром финансов, но развернуться в работе ему не пришлось: из Севастополя скоро пришла телеграмма с просьбой о его задержании и о ревизии всех его дел. Назначенная ревизионная комиссия, в составе меня и еще двух товарищей, нашла в делах полный хаос, безотчетный расход денежных средств и сомнительность многих документов. Т., с заключением комиссии, был препровожден в Севастополь, но, в конце концов, в его деле ничего серьезного, очевидно, не было найдено, так как он вскоре был освобожден и даже потом состоял адьютантом главкома Тавриды Приклонского.

16-го января состоялись торжественные похороны товарища Караева, превратившиеся в грандиозную демонстрацию мощи победоносного пролетариата. «Революционная Евпатория» посвятила очередной свой № освещению личности погибшего вождя.

18—20 января Ревком командировал меня в Симферополь для связи и информации и получения необходимых инструкций·

В Симферополе путного ничего не добился, так как всюду был хаос невероятный, никто ничего не знал, и никаких инструкций мне получить не удалось. В зтом смысле я и сделал ревкому доклад по приезде обратно. Вообще, надо сказать, связь с местной центральной властью за все время существования первой республики хромала невероятно,—проще сказать—ее не было вовсе, Евпатория, предоставленная самой себе, существовала в образе некоей автономной «Евпаторийской республики».

На одном из первых же шагов по пути советского строительства случилась «история», довольно неприятного свойства. Когда в Евпатории стало известно, что в Питере издан декрет об отделении церкви от государства, Ревком решил провести его в жизнь, и у нас с зтой целью без предварительного раз'яснения его значения и смысла опубликовал его к немедленному исполнению. Конечно, попы повели подобающую агитацию, каковая в связи со случайным выстрелом в церкви, произведенным пьяным красноармейцем, едва не вызвала серьезных волнений. Тогда пришлось и нам пустить в ход агитацию. Я составил проект воззвания к населению, Ревком в своем заседании его утвердил и приказал отпечатать. Так как специальных расклейщиков мы еще не имели, то автор воззвания, захватив кое-кого из товарищей, помнится, Катю Барскую, Михайленко, Эпштейна и Бреннера, отправился сам расклеивать и раздавать воззвание прохожим.

23—31 января происходили выборы в новый совет и конструирование исполкома. В исполком, помимо левых зсеров, вошли также и представители меньшевиков и правых зсеров. Первые впоследствии усердно саботировали работу, а последние (прав. зсеры схитрили—послали в исполком не лидеров, а третьестепенных) усердно работали и от нас не отличались ровно ничем. Исполком состоял из 21 человека, из них 2 меньшевика, 2 правых зсера, 6 левых и 11 большевиков. Вот его полный список, с указанием поста, занимаемого каждым из членов:

Демышев	(больш.)	Председатель и комиссар финансов.
Валькевич	,,	тов. пред. и нач. штаба
Елагин Вл.	,,	секретарь, казн. и зам. комис. фин.
Елагин А.	,,	комиссар юстиции.
Купиев	,,	член кол. комис. труда.
Хохлов	,,	комиссар труда.
Матвеев	,,	пом. нач. штаба.
Немич С.	,,	командир красной гвардии.
Борисов	,,	комиссар жилищ.
Лазаренко	,,	член штаба (матрос).
Чирков	,,	комиссар почты и телеграфа.

Аукштикальнис (л. зс.) тов. предс. и член кол. комис. земл.
Лушин (л. зс.) комиссар земледелия.
Мушкаренко (л. зс.) комиссар театров.
Попов (л. зс.) чл. кол. комис. зем.

Левдик-Занаревский (лев. зс.) ком. просвещ.

Митяев (лев. эс.) комис. гор. хозяйства.

Кебабчьянц (прав. эс.) тов. председателя и комис. продов.

Тарубаров (прав. зс.) комис. соц. обеспечения.

Штейнбах (меншевик) член кол. комис. просвещ.

Гальперштейн (меньшевик) член кол. комис. просвещ.

Комиссаром финансов сперва был кооптирован т. Шварцблат, а комиссаром промышленности—тов. Поплавский. Управделами исполкома назначен был лев. эсер Вдовиченко, заведующим бюро пропусков б-к Андреади. Кроме того, были еще кооптированы: в комиссариат юстиции б-ки Воронин и Грубе, в комиссариат собеза б-чки А. Немич и Е. А. Елагина, в комиссариат промышленности беспарт. инженеры Епифанов и Сегединов и в ком. финансов б-к Очкин.

В таком составе, совершенно неопытные и неумелые, без связи с центром и руководства, мы приступили к работе. Работали мы изумительно много—с 9 утра до 2—3 час. ночи, лишь с небольшим обеденным перерывом. О системе и планомерности нашей работы говорить не приходится. Например, в то время, когда земство раскассировано было немедленно и его место занял уездный совет во главе с председателем тов. Шидаревым, городская управа была ликвидирована очень поздно и комиссар горхоза Митяев все время восседал рядом с городским головой с.-д. Джигитом.

С первых же шагов молодая советская власть втретилась с сильными денежными затруднениями. Отчасти вследствие этого, отчасти для «удушенья» буржуазии на имущие классы наложена была контрибуция, что-то, помнится, до десяти миллионов руб.

Деятельность комиссариата финансов складывалась из двух моментов—сбора контрибуционных денег и выдачи разрешений на выемку денег с текущих счетов в банках, особым приказом закрытых и подготовлявшихся к национализации. Разрешения давались лишь по визе профсоюзов о том, что деньги пойдут на уплату жалованья рабочим и служащим.

Канитель с этим была невероятная. Все корридоры исполкома, помещавшегося в гостинице «Бо-Риваж», были запружены «чековой» очередью (разрешения обычно писались на чеках). Вначале я делил этот труд с комфином Шварцблатом и членом финколлегии Очкиным, но вскоре, за от'ездом обоих, остался один, охраняемый тов. Эпштейном с мужеством, достойным лучшего применения (он применял его после 3 года на фронте), отбивавшим напор бесконечной толпы.

К этим двум моментам работы вскоре прибавился третий—уплата какой то разницы рабочим-соляникам. Исполкому пришлось взять на себя эту выплату, так как владельцы соляных предприятий были расстреляны. Помню длинные туманно написанные списки, груды новеньких хрустящих «романовок», поразительно быстро таявших у нас на глазах.

Их никогда не хватало. Многие сотни тысяч уплыли в карманы все прибывавших откуда-то, самых разнокалиберных толп, пресловутых этих соляников;—помню оборванцев самого дикого вида, солдата, одетого в франтоватый мундир, каких-то грязных китайцев, качавших с хихиканьем головами и что-то лопотавших по своему; разухабистых парней типа вышибал из публичных домов и скромных степенных рабочих. В этой работе мне помогал меньшевик Магазинник, избранный в исполком на место ушедшего Штейнбаха. Наверно, в этих неграмотных списках было много фиктивных, но проверить их нельзя было, а подписями и печатями они были заверены все.

Сбор контрибуции производился при помощи особой финансовой комиссии, избранной самими плательщиками и производившей (зачастую очень неправильно) раскладку денежных сумм. Из членов ее помню С. Б. Шишмана. Национализация банков в период первой республики завершена не была, хотя по зтому поводу, и был созван, кажется, единственный ведомственный с'езд комиссаров финансов республики. С'езд проработал под председательством наркомфина тов. Коляденко два дня. Наметил вехи, но решающего слова сказано не было.

Не была закончена и другая обширная работа из области жилищной политики—переселение рабочих в «дворцы», хотя в Евпатории их достаточно много стояло даже пустыми (в дачном районе). Нетактичный комиссар жилищ Борисов после какой-то скандальной истории был исключен из исполкома, но избранный на его место тов. Якушин существенно двинуть дело не смог.

В области народного просвещения сделано было, пожалуй, максимум того, что можно было сделать в тогдашних условиях. Открыт был вечерний политехникум и отменено преподавание закона божьего в школах. Комиссар просвещения, порывистый Левдик, носился с какими-то грандиозными планами полной реорганизации школы, но осуществить их ему не пришлось.

В области земельной политики, если не изменяет мне память, было узаконено отчуждение помещичьих земель,—и только. Реформа суда выразилась лишь в разрушении старого судопроизводства. В зтой области дело обстояло особенно слабо, новый суд—Ревтрибунал—создан не был. Были беспощадные расстрелы на месте бандитов (расстрелян был даже совершивший налет бывший член Ревкома—Мищенко) и политический террор. Следственная часть была поставлена относительно сносно.

Так же печально обстояло дело и с охраной труда. С организацией промышленности было несколько лучше: машинно-строительный заводик наш работал в общем без перерыва и обслуживал крестьянские хозяйства ремонтом с.-х. машин и орудий.

Удручающе слаба была партийная наша работа, но это видно только теперь,—тогда же мы как-то не замечали зтого печального факта. Это было, пожалуй, даже естественно. Мы отдали все свои силы созданию и укреплению власти советов, счи-

тая это как-бы новой формой прежней работы. Помимо этого, 24 час. в сутки физически нам не хватало. Партийные собрания, только поэтому, некоторые исполкомцы посетили всего один раз, а многие не были вовсе. Зато на общих митингах руководители выступали усердно и помногу.

Особенно памятны два таких митинга: интернациональный и в память Парижской коммуны. Собственно-же партийной работы не вели и нисколько не вникали в нее. В парткомитет в то время входили: Мася Гриншпун (как секретарь), Кац, А. Фарбер, Моняк, кажется, Спер. Председателем номинально числился Демышев.

Нет никакого сомнения, что ненормальность эта вскоре бы сгладилась; но внутренние осложнения и серьезные внешние события с начала марта все наростали, заслонили собой все вопросы мирного развития и строительства и закончились крахом Таврической Советской Республики.

При обзоре событий приходится сталкиваться с явлениями политического торрора—мерой необходимой в известный период революции, но вредно влияющей в тех случаях, когда она применяется без различия правых и виноватых.

Несмотря на то, что Таврический губком (б-ков) и самая сильная организация—Севастопольская, возглавляемая т.т. Пожаровым, Гавеном и Александровой (редактор «Таврической Правды»), были категорически против массового террора,—в Симферополе образовалась защищавшая его группа влиятельных товарищей, во главе с председателем Тавцик'а Жаном Миллером. Взяли верх последние. Массовые аресты буржуазии и офицерства и расстрелы их в ночь с 23 на 24 февраля ознаменовали победу.

На первом же заседании евпаторийского Исполкома я поднял этот вопрос. Исполком поддержал мою точку зрения и решил авторитетом местной власти приостановить считавшиеся нами ненужными и вредными явления стихийного террора. Кроме того, чтобы отбить охоту у любителей легкой наживы, мы решили произвести выемку у буржуазии всех драгоценностей и опечатать их в сейфе местного банка. Мы разбили город на районы, каждый из коих должны были обойти 3 товарища, во главе с членом Исполкома, и по описям из'ять у буржуазии все драгоценные вещи. Все это очень организованно было проделано в течение двух дней—28 февраля и 1-го марта.

Однако, все эти действия наши заранее были обречены на неудачу. Как впоследствии выяснилось, двое из нас, Демышев и Кебабчьянц, разделяли точку зрения Миллера и решили обязательно провести массовый террор и в Евпатории. Почему они не выступили совершенно открыто—не знаю; но только в ночь на 2-е марта, когда, успокоенные, мы бросили ночные дежурства, у нас произошло то же самое, что в Симферополе, с той разницей, что расстрел арестованных происходил в полной тайне и поутру стало только известно, что три—четыре десятка буржуа про-

пали, увезенные кем-то неведомо куда. Я точно не знаю, но думаю, что произошло зто не без участия военного штаба и командира красной гвардии Немича.

Результаты зтого события были очень плачевны. Прежде всего, работа по сбору контрибуции была зтим сорвана, т. к. многие крупные буржуа были убиты, а другие попрятались. Создался финансовый кризис, и мы, чтобы выйти из него, должны были отправить за деньгами в Москву особую делегацию в составе Магазинника и А. Елагина. Затем заволновались рабочие и сделали запрос на заседании Совета (тем более, что вместе с буржуа исчезли помначмилиции Гончаров и член правления союза инвалидов Пинчук). Исполком на запрос обещал расследовать дело, но расследование ничего не дало, так как все концы были спрятаны в воду и в Исполкоме сложилось убеждение, что зто дело рук пришельцеа из Симферополя. Так или иначе, атмосфера создалась напряженная, нервная, и о плодотворной работе не могло быть и речи.

А тут еще назревали события внешние. Близился третий С'езд Советов и ратификация Брестского мира. В совете по вопросу о Бресте образовались два противоположных течения— одно, возглавляемое автором зтих строк И. Демышевым, яростно защищало необходимость продолжения войны, другое—во главе с Шидаревым, указывало на все безумие такого решения вопроса. На третий С'езд был послан Шидарев—большинство совета оказалось на его стороне.

В зто время произошли кое-какие перемены в личном составе Исполкома. Вместо ушедшего Лазаренко был избран Поплавский, а уехавший в Сибирь комендант города Молотов был заменен моряком Бреславцем.

Наконец, Брестский мир был подписан и началось продвижение немцев по Украине, подлежавшей их оккупации. Они уже приближались к границе нашей Республики.

У нас начальником мобчасти был назначен тов. Познанский. Между прочим, официальные сообщения не говорили о том, что на нас наступают регулярные немецкие части. Создавалось впечатление, что наступают отдельные банды, зачастую переодетые в немецкие мундиры.

Рабочие были разочарованы и волновались. Красногвардейцы вышли из повиновения, отказывались выступить на фронт, на защиту Перекопских позиций, куда немцы уже продвигались, разбив мелитопольскую и бердянскую красную гвардию (в Бердянске погиб Демишов не наш Н. Демышов—член Тавцик'а). Буржуазия, глядя на воцарившийся хаос, радовалась и предвкушала близкое падение ей ненавистной соввласти.

16 или 18-го марта в Евпатории произошел переполох, конец которого был совершенно комический. Внезапно, часа в 3—4 дня кто-то принес в Исполком сообщение, что турки (!?) высадили неподалеку десант, который движется по направлению к

городу. Т. к. начальника штаба Валькевича в штабе не оказалось, а больше никого в этот обеденный час в Исполкоме не нашлось, то мне совместно с комендантом города Бреславцем пришлось вызвать начальника автомобильной команды тов. Франка, посадить на автомобили имевшихся на-лицо красногвардейцев и бросить их навстречу предполагаемому десанту. Когда затем мы с Матвеевым и Кебабчьянцом, как бешеные, полетели на «фордике» вдогонку красной гвардии нашей, то увидели вместо грозных турок... ободранных голодных мальчишек-солдатиков, мирно беседовавших с нашими боевиками. Оказалось, что это какие-то части, разоруженные почему-то знаменитым Главкомом Муравьевым в Одессе и направленные в Севастополь, но по дороге, выброшенные на Евпаторийский берег взбеленившейся за что то на них пароходной командой. Мы накормили этих мальчишек, имевших вид самый несчастный, и отправили дальше. А в городе уже готовились к принятию раненых, и «на позиции» выступил наспех сформированный санитарный отряд во главе с Барской и Цигельманом.

Вскоре после этих событий красную гвардию нашу удалось убедить выступить на защиту Республики.

Но выступление это было началом кризиса Евпаторийской власти. Уже 21 марта утром красногвардейцы вернулись обратно, и их командир Семен Немич арестовал назначенного вместо Валькевича начальника штаба Матвеева, а затем и часть Исполкома вместе с тов. Демышевым.

Когда я пришел в Исполком, там был полный хаос и растерянность; однако, кое-как мы оправились, собрали почти всех исполкомцев и устроили заседание, пригласив тов. Немича. Тот явился вместе с десятком вооруженных красногвардейцев, которые стали стучать винтовками о пол и что то кричать о расстреле, узурпации власти и проч. Демышев сидел бледный, как смерть. Председательствование он передал мне, сам от волнения не мог говорить. Уразуметь, почему произошли аресты, чего хочет Немич со своими людьми, я был совершенно не в состоянии. Нервы напряглись до предела. А тут еще приходит жена Поплавского, вызывает меня и заявляет, что в городе готовится еврейский погром. Единственно кто мог бы предотвратить погром,—был Немич с его большим влиянием на красногвардейцев. Его заставили поклясться, что он сделает все, чтобы не дать начаться погрому. Мы тут же набросали невероятный приказ о том, что всякий ведущий погромную агитацию, будет расстрелян на месте. Приказ этот тотчас же был передан Сперу для напечатания и расклейки по городу. Потом мы обратились с горячими речами к красногвардейцам. Они отрезвились и замолчали. Наконец, все мы отправились на всенародный митинг говорить о происшедших событиях.

С 21-го марта по 20 апреля—день вступления немцев—шла агония слабой неуспевшей сорганизоваться соввласти. Демышев,

Кебабчьянц и Матвеев после заседаний Совета 21-го марта, где они клялись (!) перед тысячной массой в совершении ими расстрелов,—были взяты под арест и во избежание эксцессов отправлены на стоявший на рейде крейсер «Ястреб».

Неустойчивые евпаторийские рабочие массы и красногвардейцы потребовали перевыборов Совета. Вновь избранный совет оказался сплошь меньшевистским. Председателем его был избран Джигит. Совет этот совершенно не знал, что ему делать, и через несколько времени умер естественной смертью.

Затем явился откуда-то неизвестно кем назначенный комендантом города какой-то прапорщик Власик и стал неистовствовать и провоцировать к свержению совласти сбитых с толку рабочих. На митинге на Александровской площади едва не был убит т. Поплавский.

Приезжал из НКВД для рабора этих запутанных дел т. Турецкий и, не разобрав ничего, вернулся обратно. Наконец, незадолго до прибытия немцев сорганизовалась твердая власть— «девятка» с председателем тов. Познанским. Горизонт как-будто стал проясняться, но не надолго: бежавшие из-под Перекопа красногвардейцы не захотели, конечно, биться под Евпаторией, и «деватка» рассыпалась, уступив свое место немецкой комендатуре. Председатель «девятки» Познанский на ст. Сарабуз погиб от пуль немецких солдат.

Демышев, три сестры и брат Немичи, Франк, Грубе, Кебабчьянц, Матвеев были захвачены немцами. Целый год томились они в белогвардейской тюрьме и были расстреляны в самый канун восстановления совласти, в апреле 1919 года.

Главком Приклонский был убит на молу в Феодосии самими матросами, трудно сказать, правильно или напрасно подозревавшими в нем изменника пролетарскому делу.

21-го апреля Симферополь был занят без боя гайдамацкими бандами «щирых украинцев», а на следующий день передовыми раз'ездами великолепных немецких улан.

Севастополь защищался под руководством «пятерки» больше недели и пал 1 мая, отчасти из-за измены командующего флотом адмирала Саблина.

Республика Тавриды погибла, дабы вскоре снова воскреснуть, снова замереть и снова ожить в ноябре 1920 года.

Вл. Елагин.

Восстание на „Потемкине“.

Трудно передать во всей полноте историю революционной борьбы, которая протекала в интервал 1905—1907 гг. в таком важном военном центре, каким является Севастополь. Как участник многих событий того времени, при том пользуясь некоторыми сохранившимися документами, я постараюсь осветить хотя бы некоторые наиболее замечательные моменты.

В Севастополе, как и в других крупных городах, существовало к началу 1905 г. несколько социалдемократических кружков, а также и об'единенный комитет, который руководил всей работой как в гражданских организациях, так и в военных. Агитация велась, главным образом, среди флотских команд и портовых рабочих. Настроение как матросов, так и рабочих к июню месяцу 1905 года было настолько революционным, что немало усилий требовалось со стороны местного комитета удержать массы от преждевременного вооруженного выступления.

В смысле революционности впереди всех шли некоторые флотские части. На берегу, вблизи Инкермана, в это время происходили частые митинги, на которых присутствовали большею частью матросы.

Связь местного комитета с. д. со всеми кораблями была установлена, что давало возможность снабжать все команды прокламациями и быть в курсе жизни и настроений всего флота.

Сведения о настроении команд некоторых кораблей были таковы: ждут не дождутся, когда можно будет выступить в открытый бой.

Трудно сказать, в какой мере руководила начавшимся стихийным ростом революционного движения того момента та или иная партийная организация; верно лишь то, что целиком этим движением не удалось овладеть ни одной из них.

Между руководителями партийных организаций шли нескончаемые споры о большевизме, меньшевизме и других высоких «материях», а солдатско-рабочая масса в это время, прислушиваясь одним ухом к этим спорам, жадно воспринимала все то, что говорило о немедленном восстании и других способах не-

посредственного революционного воздействия на царское правительство.

Настроение было приподнятое. Учитывая всю обстановку и настроение, главным образом, моряков, местный с. д. комитет наметил план восстания во флоте. План этот сводился к следующему: когда эскадра начнет учебную кампанию в 1905 г. и пойдет к острову Тендер, то в это время на одном из кораблей будет поднят сигнал, по которому все команды должны забрать винтовки, обезоружить офицеров, а затем отправиться в Одессу и другие города Черноморского побережья, требуя созыва учредительного собрания, разоружения полиции и освобождения политических заключенных.

Все социалистические партии учитывали ту громадную роль флота в революционном движении, какую он мог сыграть, а поэтому и внимания больше всего уделялось на то, чтобы сагитировать, главным образом, команды кораблей, установить с ними связь и по намеченному плану сделать попытку организационного восстания, от успеха которого зависело очень многое. Нужно было ждать и работать, но трудно было заставить ждать и вести обычную работу наэлектризованную пропагандой массу рабочих и команды флота, которые рвались в бой.

Доказательством этого служило письмо от команды броненосца «Потемкин», присланное им местному комитету Р.С.-Д.Р.П., в котором они заявляли, «не повредит ли вообще народному освобождению то обстоятельство, если они поднимут восстание раньше намеченного срока».

После жарких прений, на об'единенном заседании комитета было решено дать ответ команде в таком смысле, чтобы она этого не делала. Команда, видимо, с этим согласилась, но нужен был незначительный предлог, как это обещание было забыто, и революция вспыхнула не по намеченному плану, а стихийно, как порох от неосторожного удара.

Потемкинцы, не сдержав своего слова, подняли знамя восстания раньше условленного времени. С историей восстания читатель может познакомиться из письма руководителя этого восстания Матюшенко.

Вот это письмо:*)

«Это было 14 июня 1905 года на броненосце «Князь Потемкин» в Тендровском заливе около 12 час. дня. 13-го июня миноносец № 267 прошел в Одессу за провизией на 14-е июня. Пошел около одного часа дня. Часов в 10 вечера 13-го июня миноносец пришел из Одессы на Тендровский полуостров. Забрали провизию на корабль: хлеб положили на обычное место, капусту и картофель положили на камбуз. Так как было $10^1/_2$ час. вечера, то для чистки картофеля взяли все вахтенное отделение, которое и почистило ее до смены с вахты, а мясо повесили на

*) Стиль письма сохранен.

спардеке, с левой стороны на крючках. В пять часов утра разбудили команду. Команда, как всегда, помылась, отпела утреннюю молитву, позавтракала и начала скатывать палубу на всем корабле. Кто то из команды заметил в мясе червей. Один по другому команда узнала, что мясо с червями. Начали возле мяса толпиться, послышался ропот, что офицеры подлецы, что не хотят обращать внимания на пищу команды, что надо позвать доктора —пусть выбросит это мясо за борт. Командир услыхал, что команда волнуется—позвал доктора, титулярного советника Смирнова, который незамедля пришел на спардек к этому мясу, одел очки, чтобы лучше было видно червей, покрутил его перед носом, понюхал и говорит: «Мясо очень хорошее, команда балована и потому не хочет кушать. Надо только червей смыть водой и мясо будет отличное». Такое заключение вывел доктор Смирнов. Командир, капитан 1-го ранга, Евгений Голиков приказал поставить возле мяса дневального, дать ему карандаш и бумагу, чтобы он записывал всех, кто прийдет смотреть на мясо, и потом доложил бы командиру. Команда, хорошо зная нрав и взгляды командира, боялась подходить к мясу.

Слышно было, как команда говорила: «Как теперь служить, как воевать, когда в Японии пленным живется лучше, чем нам». Кто-то из кондукторов сказал, что в Порт-Артуре команда кушала собак, а «вам, мол, мясо не хорошо». До обеда команда была встревожена; в $10^1/_2$ час. свистит дудка—«вино достать, пробу». Достали вино и пробу для командира. Не знаю точно, кушал ее командир, или нет, но я видел сам, что вахтенный офицер, прапорщик запаса Ливенцов, кушал борщ возле левого трапа; возле проходил старший офицер корабля, капитан 2-го ранга Ипполит Гиляровский: «Ну что, как борщ»? Прапорщик Ливенцов сказал, что борщ чудный. «Я бы с удовольствием его кушал, но, к сожалению, глотка болит». Точный разговор. Дудка свистит к вину и обедать. Команда, которая пьет вино, пошла на шканцы пить его, а из остальной команды каждый взял кружку, взял кусок хлеба, мочит хлеб в воде и кушает, а баки с борщем никто не берет. Все почти стоят по обоим сторонам камбуза, поближе к воде. Заходит в камбуз Гиляровский и спрашивает кока, Ивана Данилюка,—«Ты почему не даешь команде обедать?» Данилюк отвечает: «Команда не хочет кушать борща, а просит, чтобы сварить чая и чтобы дали масло». В это время входит командир Голиков и спрашивает: «В чем дело»? Гиляровский отвечает: «Команда не хочет обедать этого борща». Командир спрашивает: «Ребята, отчего вы не кушаете борщ?» В толпе матросов отвечают: «Кушай сам, а мы будем кушать воду и хлеб». Голиков приказал бить сбор. Забили тревогу. Команда—все, как один человек,—пошла на ют и стала во фронт. Вышел старший офицер, потом вышел командир; скомандовали «Смирно». Командир стал на буксерный кнехт и обратился к команде с такой речью: «Я неоднократно говорил, что такие беспорядки на военном ко-

рабле недопустимы: за это вешают вашего брата вон там!»— при этом он показал на шок. «Ребята, кто хочет кушать борщ, выйди сюда». Боцманы и некоторые унтер-офицеры вышли и стали по траверсу корабля. Командир видит, что команда стоит на месте, скомандовал: «Караул наверх!» Через минуту караул стал на место. Команда струсила и вся перешла в кучу к башне. Старший офицер, видя, что команда туда перебегает, кричит: «Довольно» и, вместе с вахтенным офицером, не пустил смешаться с остальной командой и приказал караулу оцепить оставшуюся часть команды и переписать. Команда стояла бледная и страшно напряженная, видя своих товарищей оцепленных караулом. Старший офицер кричит: «Боцман, давай брезент!» Это для того, чтобы накрыть команду брезентом и по ней стрелять. Тут раздался крик: «Братцы, что они делают с нашими товарищами! Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!» Это сказал матрос Х. Тут только этого и надо было: команда вся бросилась в батарейную палубу, забрала винтовки, но патронов не было. Подняли крик: «Давай скорее патроны!» Нашли патроны, зарядили ружья и идут обратно на ют освобождать товарищей. По траверсу судна стоял судовой караул и три офицера: командир Голиков, старший офицер Гиляровский и старший артиллерист Неупокоев. Командир спрашивает: «Кто там команду бунтует?» Гиляровский отвечает: «Это—я знаю—сволочь Х.», а в батарее гремит могучее ура.«Да здравствует свобода! Долой войну! долой самодержавие!» В это время командир говорит матросу Х.: «Что тебе нужно? Поставь ружье!» Матрос Х. отвечает: «Я брошу тогда ружье, когда буду не живым существом, а трупом. Уходи с корабля,—это корабль народа, а не твой». Командир куда-то ушел, не знаю. В это время матросу Х. и Вакуленчуку дали патронов. Гиляровский и Неупокоев, видя что Вакуленчук и Х. зарядили ружья, побежали на ют, где стоял часовой. Матрос Х. побежал за Неупокоевым и, набегу почти, выстрелил в Неупокоева, который упал с простреленной головой за адмиральский броневой люк. Матрос Х. бросил винтовку, взял Неупокоева за ноги и выбросил за борт, потом схватил винтовку и побежал искать Гиляровского. Забежал в башню, там стоит Гиляровский с винтовкой в руках и лежит Вакуленчук, обливаясь кровью. Х. дал по Гиляровскому выстрел, но получилась осечка или промах. Тем временем Гиляровский стреляет по Х., а сам кругом башни убежал. Матрос Х. бежит за ним. Гиляровский кричит часовому: «Бей его». Часовой бросает ружье, а сам убегает в батарейную палубу. Гиляровский хватает ружье и стреляет по часовому и вместе с тем падает на бок. Видя стрелявшего в него матроса Х. кричит: «Я тебя знаю, подлец, ты теперь пойдешь на берег, я тебе задам». Матрос Х. отвечает: «Я теперь тебя самого пошлю юнгой к Макарову». При этих словах Гиляровский летит за борт. В этот момент представилась ужасная и вместе с тем торжественная картина: 800 человек кричат:

«Смерть тиранам! Да здравствует свобода!» Залпы трещат по уплывающим офицерам, которые плыли на миноносце № 267.

В это время выходит минный офицер лейтенант Вильгельм Тон. Команда закричала: «За борт его!» Он, увидя матроса Х., говорит ему: «Я хочу с тобой поговорить». Матрос просит команду отойти и сам отходит с Тоном к башне. Тот выхватывает револьвер и стреляет в Х. Пуля прошла мимо Х. и попала в руку близстоявшему матросу. Другая пуля сделала царапину у правого виска Х. Тогда этот последний стреляет в Тона, и тот падает на палубу. В него дали залп еще человек 10, и Тон стал бездыханным трупом. «За борт его,»—закричала команда, и Тон пошел за борт. Команда закричала матросу Х: «Командир здесь. Давай его сюда». Командир был в адмиральском помещении и, наверное, хотел броситься за борт, но видя бесполезность таковой попытки, вышел на палубу, имея на себе только китель. Всходя по трапу на палубу, он говорил: «Ах, я старый дурак, что я сделал с командой». Вышел на верхнюю палубу, обхватил Х. и говорит: «Великий я грешник перед командой; прости, братец». «Я лично против тебя ничего ни имею,--как команда?» ответил Х. Команда закричала: «На шок его подлеца, он нас шоком пугал». Другие кричали: «Довольно возиться—пулю в лоб». Его повели дальше на ют и тут раздался залп. Командира не стало. Его тоже выбросили за борт. В это время, доплывшие до миноносца офицеры снялись с якоря и хотели уйти в Севастополь. Х. приказал зарядить 47-м.м. пушку и дать выстрел по миноносцу. После выстрела миноносец № 267 подошел к борту «Потемкина». С него сняли трех офицеров: командира миноносца лейтенанта Клодта, ревизора броненосца «Потемкин» мичмана Макарова и мичмана Вахтина, у которого оказалась пробитой голова. Команда кричала: «Смерть Макарову, за борт их всех», но тут вмешались истинные борцы за народ и свободу и сказали: «Довольно крови, теперь корабль в наших руках, эти твари нам не опасны, давайте воды скатить палубу. «Команда поставила винтовки в пирамиды принесла воды и начала скатывать палубу. В это время к матросу Х. приводят младшего доктора Голенко, которого нашел минный машинист Кулешов под цистернами. «Куда его черта деть?» спрашивают. «Под арест его в кают-компанию». Через 10 минут опять ведут полковника из Обуховского завода, который приехал сюда для артиллерийских испытаний. «Где вы его взяли?» «В гардеробном ящике, насилу оттуда его вытащили». Арестовали и этого. Потом выходит прапорщик Алексеев и говорит: «Братцы, не бейте меня, я ведь такой же матрос, как и вы». Команда закричала: «Тебя никто не убьет, если ты нас приведешь в Одессу». Потом заметили еще двух офицеров, которые были на щите для стрельбы, находившемся в расстоянии кабельтова от корабля. Там были инженер-механник Александр Коваленко и вольный инженер Николаевского завода Александр Харкевич. Когда команда увидала Коваленко,

то она, особенно машинная команда, просила не трогать его, потому что он хороший человек. Но все-таки всех арестовали. Потом где то нашли инженера-механика Назарова и инженера-механика Калюжного. Всего арестованы были: мичманы Макаров и Вахтин, инженер-механики Заушкевич, Назаров и Калюжный, доктор Голенко, инженер-механик подполковник Цветков, полковник из Обуховского завода, вольный инженер из Николаевского завода Харкевич, прапорщики Ястребцов и Алексеев, лейтенант Клодт, инженер-механик Коваленко. Приходит вестовой Вейнберг и говорит Х., что старший врач Смирнов застрелился. Пошли к нему. Он просит: «Дайте, братцы, умереть спокойно». «А чего же ты, хам, говорил, что мясо хорошее?» «Братцы, я умирая говорю, что я хорошо все видел, но я не имел права говорить». Еще узнали, что лейтенант Григорьев из Обуховского завода был убит в то время, как выбросился за борт.

После зтого машинная команда пошла разводить пары и готовить машины, а строевая команда приготовляла корабль по боевому на случай встречи с зскадрой. Когда все было готово, снялись с якоря и пошли в Одессу. Дорогой команда выбрала из своей среды комиссию, которой и доверила управление судном.

Кончилось 12-тидневное восстание революционного «Потемкина» его поражением, но зто восстание, как зхо, отозвалось в Петрограде и других городах, с большой силой потрясло не только Россию, но и все другие страны, приводя в трепет буржуазию и укрепляя надежду в пролетарских массах. Первое время после сдачи «Потемкина» настроение рабочих и моряков было подавленное. Севастопольский Комитет С.-Д. выпустил ко всему флоту и рабочим прокламацию следующего содержания:

Товарищи, не унывайте! Еше не все погибло: гнилое царское правительство далеко не все задавило во флоте. Есть еще там люди, которые еще с честью высоко держат славное знамя социал-демократии. Не падайте духом, товарищи! Не падайте духом, а набирайтесь отваги, запасайтесь храбростью и со всею силою, на какую вы только способны, продолжайте великую борьбу за святое дело освобождения народа от царского гнета и от гнета капитала. Будем тверды, как закаленная сталь, в зтой борьбе, сердца наши пусть не знают пощады, не знают жалости к нашим злейшим врагам. «Коленом в грудь и руками за горло»— пусть зтот лозунг станет нашим лозунгом. Товарищи, на зтот раз мы не сумели помешать русскому правительству безнаказанно арестовать наших товарищей, но мы должны отомстить за них. Пусть царь еще раз напьется горячей народной крови, но дело освобождения народа от зтого не замрет . . . . Нет! За нас—сама жизнь! Она толкает нас на борьбу с самодержавием. Никаким царям не совладать с разбушевавшимся океаном справедливого народного гнева. И уже недалеко то время, когда мы и освобожденный от царского самовластия рабочий класс по-

ведем свою последнюю борьбу, борьбу с капиталистическим укладом общества и быстро пойдем навстречу социалистическому строю.

Товарищи! Наше правительство не в первый раз подавляет революционное движение части народа: вспомните 9-ое января в Петрограде, где самодержавие омыло свои преступные руки кровью многих тысяч наших братьев-рабочих. Но разве от этого прекратилась борьба народа с правительством? Как раз наоборот. Эта борьба стала более упорной, более ожесточенной: восстал Кавказ, восстает Польша, грозно волнуется вся внутренняя Россия. Российский пролетариат хорошо уже понял, что чем скорее он свергнет самодержавие, тем скорее прийдет к своему окончательному освобождению от всякого гнета. И уже близок день победоносного восстания Российского пролетариата, он уже выпрямил свою согнутую спину . . . Еще один мощный взмах и . . . от самодержавия останется только позорная память.

Не падайте духом, товарищи! Не приходите в отчаяние! Далеко не все потеряно. Быстро сомкнем наши разрозненные ряды и мечем к мечу с восстающим пролетариатом поведем освободительную борьбу.

На бой же, товарищи! На славный, смелый, кровавый бой за народное благо!

Долой ненавистного нам царя!
Да здравствует народная свобода!
Да здравствует социализм!

июня 1905 года. Матросы-социал-демократы.

Издание Севастопольск. Ком. Крым. Союза Р.С.-Д.Р.П.

Опыт «Потемкина» доказал всем наиболее горячим головам, что всякое одиночное выступление положительных результатов почти никаких не дает, а поэтому нужно было приниматься снова и снова за кропотливую агитационно-пропагандистскую и организационную работу, но уже в условиях более тяжелых, так как после падения «Потемкина» бдительность начальства увеличилась. Да к тому же наиболее активные работники были арестованы по подозрению в соучастии с бунтовщиками.

Но после «Потемкина», спустя год, Черноморский флот и Севастопольский пролетариат выступили в бой уже более организовано.

Сила и сознательность его увеличились во много раз, и если революционный Севастополь и во второй раз был разбит, то вместе с ним была разбита и вся Российская Революция.

Но царское правительство в последний раз праздновало свою победу.

И. Жуков.

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ В КРЫМУ.

Февраль октябрь 1917 г.

Приказ Колчака, сообщающий о февральском перевороте.

ПРИКАЗ

командующего Черноморским флотом.

Рейд Севастопольский, марта 2-го 1917 года № 771.

В последние дни в Петрограде произошли вооруженные столкновения с полицией и волнения, в которых приняли участие войска Петроградского гарнизона. Государственной Думой образован временный комитет под председательством председателя Государственной Думы Родзянко для восстановления порядка. Комитет поставил себе целью установлением правильной деятельности в тылу и поддержанием дисциплины в воинских частях довести войну до победного конца. Войска гарнизона Петрограда восстановили порядок. Ближайшие дни преувеличенные сведения об этих событиях дойдут до неприятеля, который постарается ими воспользоваться для нанесения нам неожиданного удара. Таковая обстановка повелительно требует от нас усиленной деятельности и готовности в полном спокойствии сохранить наше господствующее положение в Черном море, приложить все труды и силы для достойного великой России окончания войны.

Пусть каждый помнит, что мы являемся не только защитниками своего побережья, но способствуем боевым подвигам нашей доблестной армии, а наша боевая работа и готовность непосредственно влияет для успеха войны. Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной.

Приказ прочесть при собраниях команд на кораблях, в ротах, сотнях и батареях, а также об'явить всем работающим в портах и на заводах.

Подпись: Вице-Адмирал **Колчак.**

* * *

Воззвание Севастопольских меньшевиков при кампании по выборам в Севастопольскую Городскую Думу.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ МАТРОСЫ и СОЛДАТЫ!

НА ВЫБОРЫ!

Товарищи!

Слыханное ли дело?

Так недавно еще вы могли говорить только «так точно», «никак нет», сейчас вас зовут голосовать в Городскую Думу.

Вы были рабами, а теперь—граждане.

Как граждане, вы должны показать всей России, что вы умеете пользоваться своими гражданскими правами.

Идите все голосовать!

Ни один ваш голос не должен пропасть.

Знайте, враги наши уповают на то, что матрос, солдат безсознателен, что солдат, матрос не пойдет голосовать.

Докажите им, что солдат—гражданин, что он пойдет голосовать.

Революционная армия и флот вместе с рабочими совершили революцию, вместе смели они без остатков самодержавие со всеми его приспешниками.

Теперь рабочие зовут вас, матросов и солдат, поддержать их на выборах в Городскую Думу. И вы поддержите их!

Вы не станете голосовать за тех, кто именуется «партией народной свободы». Это партия капиталистов. Это партия, недовольная вольностями народа и солдат, это партия, которая желает, чтобы армия защищала не народ, а буржуазию.

Представители этой партии позорно бежали 3-го июля, как дезертиры, из состава Вр-го Пр-ва, и ответственность за кровавые события 3-го и 4-го июля, наряду с анархо-большевиками, несут и кадеты, т.-е. партия «народной свободы».

За эту партию вы не подадите ни одного голоса!

Вы не станете, солдаты-товарищи,—голосовать и за все другие буржуазные партии, которые выступили под разными названиями, смущающими людей, которые мало разбираются в партиях.

Вы не станете, товарищи-солдаты, голосовать и за большевиков (ленинцев, правдистов). Эта партия вбивает клин в революцию. Она старается рассорить рабочих между собой, она старается рассорить крестьян между собой, она старается перессорить и солдат. И когда? Тогда, когда нам нужно всем об'единенно работать. Эта партия большевиков ежедневно подрывала доверие к Совету Солд. и Раб. Деп.

Эта ее легкомысленная агитация вызвала в Петрограде безумное восстание темных масс.

Эта партия обманывала вас, говоря, что одна она может кончить войну, а на деле предлагала для этого одно лишь братанье, которое ведет к сепаратному миру и которое привело к позорному для революционной армии бегству.

Товарищи, голосуйте за тех, кто идет в ногу с Советом Солд. и Раб. Депутатов, кто считает, что необходимо не раз'единять, а об'единять все силы крестьян, солдат и рабочих.

МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ!

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ, ГОЛОСУЙТЕ ЗА КАНДИДАТОВ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОК **№ 1.**

Севастопольский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Воззвания и Приказы

Севастопольского Военревкома, первого органа пролетарской власти.

Материалы относятся ко дням переворота, когда шли самовольные аресты и избиения офицеров.

Заимствованы из „Известий Севастопольского Военно-Революционного Комитета“.

Товарищи и Граждане!

В связи с контр-революционной борьбой Каледина против революции выяснилось контр-революционное настроение некоторой части командного состава. Когда стало известно все, что делают в борьбе с революцией и ее защитниками враги революции из рассказов возвратившегося с Дона отряда и по прибытии бежавших от Каледина товарищей-матросов: справедливый революционный гнев начал выливаться в самосуды, и были расстреляны несколько офицеров. В виду таких событий, Исп. Ком. Совета и Центрофлота собрали экстренное делегатское собрание в 1 час ночи 15 декабря, на котором был избран временный военно-революционный комитет.

Задачи временного военно-революционного комитета—предотвращение беспорядков, всякого рода эксцессов и беспощадная борьба с контрреволюцией. Временный военно-революционный комитет призывает товарищей матросов, солдат и рабочих, дабы не осквернять светлого знамени революции, не производить самосудов.

Временный военно-революционный комитет предупреждает граждан, что всякие попытки к погромам будут беспощадно подавляться. Меры к охране города и крепости приняты, временно военно-революционный комитет призывает граждан г. Севастополя сохранять полное спокойствие и гражданскую революционную дисциплину.

Временно после 10 час. веч. всякое движение по городу прекращается.

Временный Военно-Революционный Комитет.
16 декабря 1917 года.

Задачи Военно-Революционного Комитета.

1. Организацию революционных отрядов для борьбы с погромами и эксцессами в городе и находящихся в распоряжении Военно-Революционного Комитета готовых двинуться по первому его зову для исполнения всякой задачи революции.
2. Охрана в'езда и выезда из г. Севастополя (без ведома Военно-Революционного Комитета никто не может в'езжать и выезжать из города).
3. Обеспечить продовольствием г. Севастополь.
4. Установить связь с Советским Правительством и высшими органами власти Крыма.
5. Охрана города и крепости.

Председатель Вр. Военно-Революционного Комитета Сюсюкалов.
Товарищ Председателя Пожаров.
Секретарь Дегтяр.

16 декабря 1917 г.
г. Севастополь.

Радио, данное радиостанцией Штаморси 17/XI 1917 года. Всем. Петроград. Совет Народных Комиссаров Центробалт и Комиссару по морским делам Дыбенко.

Вследствие создавшихся контр-революционных событий на юге произошло несколько случаев самосудов над офицерами и другими лицами, заподозренными в контр-революции. Вся власть перешла в руки организованного Военно-Революционного комитета. Самосуды прекращены. Учреждается революционный трибунал. Город находится под охраной революционно настроенных матросов и солдат. О дальнейшем сообщим.

Севастопольский Военно-Революционный Комитет.

Член президиума Зедин.

Секретарь Марченко.

Фонограмма, полученная Штаморси от Военно-Революционного Комитета в 10 час. 17—XII 1917 года.

Лица, производящие обыски по частным квартирам, должны быть снабжены на то ордерами от Военно-Революционного Комитета. Лица, замеченные в производстве обысков по квартирам без ордера Военно-Революционного Комитета, будут задерживаться и привлекаться к ответственности.

Комиссар Военно-Революционного Комитета Санецкий.

Воззвание Воен.-Рев. Комитета.

Товарищи и граждане!

Матросы, солдаты и рабочие!

В грозный момент, когда нависла опасность контр-революции, которая грозит смести не только все наши завоевания, но и нас самих, преступно быть равнодушным к тому, что совершается вокруг. Необходимо сорганизоваться, нужно тесно сплотиться вокруг своих революционных организаций и по первому их зову выступить на защиту революционной демократии, на защиту свободы и революции.

Но непоправимым несчастьем было бы, если бы вы, товарищи, матросы, солдаты и рабочие, стали действовать неорганизованно, каждый по своему усмотрению. Помните, что только в единении сила.

Вот почему созданный вами и зорко стоящий на страже завоеваний свободы и революции Военно-Революционный Комитет призывает вас еще раз к соблюдению спокойствия, выдержке и железной революционной дисциплине. Никаких самовольных выступлений, а тем более обысков и арестов не должно быть. Кто не хочет играть на руку контр-революции, тот не должен ничего предпринимать без ведома Военно-Революционного Комитета. Всякого рода попытки к погромам и грабежам будут немедленно подавляться вооруженной силой.

Все случайно арестованные по проверке будут немедленно освобождены. Граждане приглашаются к продолжению в городе обычной мирной жизни. В общественных и государственных учреждениях занятия не должны прекращаться. Для охраны города в ночное время Военно-Революционный Комитет будет выставлять свои патрули.

Военно-Революционный Комитет.

Председатель Военно-Революционного Комитета Гавен.

За Секретаря Зедин.

г. Севастополь.
18 декабря 1917 г.

Приказ Военно-Революционного Комитета.

Военно-Революционный Комитет г. Севастополя доводит до сведения граждан, что всякого рода обыски и аресты будут производиться только с ведома Военно-Революционного Комитета, лицами, официально на то уполномоченными и снабженными ордерами Военно-Революционного Комитета. О всяких обысках и арестах, которые будут устраиваться самочинно в городе Севастополе, Военно-Революционный Комитет просит граждан немедленно доводить до сведения, дабы иметь возможность принимать соответствующие меры к предотвращению таковых.

Революционный Комитет помещается в помещении Совета Военных и Рабочих Депутатов.

Председатель Военно-Революционного Комитета Гавен.

Фонограмма. Срочно. Всем береговым и судовым комитетам.

Военно-Революционный Комитет предлагает всем комитетам выбрать в каждой части комиссара для проведения в жизнь всех постановлений Военно-Революционного Комитета в борьбе с контр-революцией и для связи с последним. Имена и фамилии выбранных комиссаров сообщить Военно-Революционному Комитету.

Постановление Военно-Революционного Комитета Черноморского флота и Крепости.

1) Арестованных в экипаже и отправленных в экипаж офицеров содержать под усиленной охраной матросов своих судов.

2) Офицеров, арестованных на судах, в экипаж не отправлять и содержать на судах под ответственностью судовых комитетов.

3) Никаких самосудов не чинить.

4) Учреждается Революционный трибунал (революционный суд), который немедленно приступит к разбору дел всех обвиняемых лиц.

5) Весь обвинительный материал немедленно собрать на местах и тотчас представить в Военно-Революционный Комитет.

6) Всякие самочинные обыски прекратить и впредь без ордера Военно-Революционного Комитета таковые не производить. Верно: члены президиума Революционного Комитета Зедин и матрос Чайка.

Постановление.

Военно-Революционный Комитет об'являет, что всякая покупка и продажа огнестрельного оружия без ведома и разрешения Военно-Революционного Комитета строжайше воспрещается. Виновные подвергаются военно-революционному суду.

Воен.-Рев. Комитет.

Фонограмма. Всем судовым и береговым комитетам. В Севастополе общеделегатским собранием в составе представителей армии, флота и рабочих, при участии призидиума совета, Центрофлота и крестьянских депутатов, а также представителей политических организаций образован Военно-Революционный Комитет, облеченный всей полнотой власти. Все распоряжения, касающиеся обысков, арестов, охраны города и крепости, действительны только за подписью Военно-Революционного Комитета.

Председатель Военно-Революционного Комитета Гавен.

Фонограмма, полученная Штаморси 18 декабря 1917 г. 1 ч. 10 м. Представить в Военно-Революционный Комитет отобранное оружие для правильного распределения и подсчета.

Председатель Г а в е н.

Верно: Дежурный Флаг-Офицер А к у р с.

Приказ № 3

Всем судовым, полковым и ротным комитетам.

Впредь до окончательного выбора командного состава, все бумаги, кроме оперативного характера, должны быть подписываемы, кроме командиров судов, рот, начальников дивизионов и пр., еще и Комитетом.

Председатель Воен.-Револ. Комитета Г а в е н.

Секретарь С ю с ю к а л о в.

Р а д и о. Петроград. Совет Народных Комиссаров, просим осветить общее положение, неясна связанность—Синельниково—Москва—Петроград, газеты не пришли 3 дня, потому задерживаем грузы.
Военно-революционный Комитет, Севастополь.

Председатель Г а в е н.

Секретарь Воен.-Рев. Комитета С ю с ю к а л о в.

Под редакцией У р а н о в с к о г о.

